

внушена памятью об этих немногих, сумевших первыми осознать природу политических феноменов XX века.

Литературе нашей только еще предстоит взглядеться, не прищуриваясь, в эти лица, в искаженные и затемненные временем черты наших российских «оводов». Таких, как Владимир Рогов, которому рано стал очевидным фальшивый «социализм» эсэсовцев и ежевцев, свирепый «социализм» инквизиторов и меченосцев.

Отдадим же должное тем, кто за противостоянием двух политических «церквей» угадал их причудливое родство, кто рано осознал масштаб трагедии народов, у которых украли будущее.

Если кого-то поныне ужасает мысль о двуединстве правых и левых диктатур, каково же было постигать такое современникам событий 1939-го года: договора о дружбе между Гитлером и Сталиным. Историки пытаются представить этот договор кратким помрачением одного из диктаторов, дипломатической уловкой другого. Все, что нам известно ныне, свидетельствует об ином... Отдадим же должное свидетелям этих событий, сумевшим постигнуть и не поддаться саморазрушению.

Сегодня мы знаем, какую цену пришлось заплатить России за культурное умопомрачение. Но известно нам и другое: мы не были народом ретивых стукачей, истеричных кликуш и восторженных глупцов. Были и те, кому удавалось сохранить ясный ум и брезгливость. Доколе же оставаться им пасынками истории?

Каменный оползень этих десятилетий так или иначе сокрушал разные судьбы.

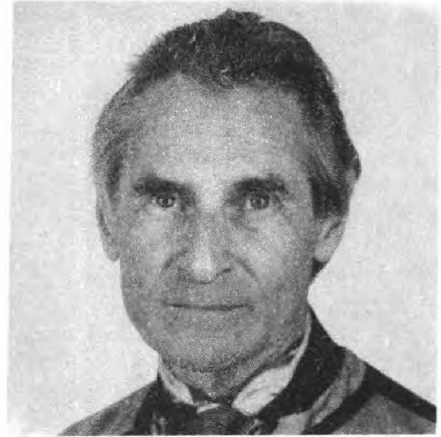
Такие, как Наталья Зиминая, героиня этой пьесы, не были изгоями советского общества. Их положение выглядело вполне благополучным. Но — интуиция, но — обостренная совестливость. И этого бывало довольно для трагедии и крушения.

Падение Н. С. Хрущева в октябре 1964-го парализовало процессы самоочищения общества от скверны. Постулаты «вялого сталинизма» снова (в который раз!) обрекали честнейших на отлучение, изгнание, вывели на эшафот или под выстрел. Личные драмы перерастали в знамение «эпохи стабильности».

Даже в последнем, самом «глухом» десятилетии нашей истории золотой запас непримиримости и сокровенной гордости был сохранен и упрочен. Он и стал ресурсом нынешнего преобразования.

Душу народную можно растоптать, но убить невозможно.

Виталий Раздольский

Виталий Раздольский

Прости нас, мачеха - Россия

*Перекрестный допрос
в двух действиях*

*...Фашистским танком изувечен,
Тюрьмою пытаный солдат,
Наградой высшей я отмечен —
Отсутствием твоих наград.
(Штрафбатный фольклор 43-го года)*

Действующие лица

Зиминая Наталья Федоровна,
40 лет.

Осмоловский Михаил Эрстович,
52 лет.

Русаков (Рогов), 42 лет.

Шмакин, 55 лет.

Мазур, 60 лет.

Эдуард Коржавин («Губан»),
28 лет.

Безусов, 30 лет.

Лопатин, 35 лет.

Борис Шарич, 45 лет.

Рожнов, 70 лет.

Вера Мазур, 42 лет.

Жора Шагиньянц, 15 лет.

Шагиньянц Сурен Николаевич,
45 лет.

Журбенко, 50 лет.

Никадим Гуртов, 45 лет.

Стеблин, 55 лет.

*Заклученные на Сучанской пересылке:
уголовные и политические.*

Год 1964-й, 14 октября, день, когда Пленум ЦК партии освободил Н. С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря. Событие, ставшее поворотным для многих судеб и дел в стране.

В пьесе представлена картина следствия. Но это не обычное следствие с протоколами и конвойными. Это условное, театральное следствие.

Лезвия двух прожекторов, порознь и одновременно, выхватывают из затемнения свидетелей и подсудимых.

На просцениуме разворачивается действие картин, события которых отделены от года 1964-го одним или тремя десятилетиями.

Действие первое

Служебный кабинет. Письменный стол, заваленный папками. У стола Михаил Эрстович Осмоловский и Наталья Федоровна Зимина.

Они работают давно. Оба утомлены.

Осмоловский (поглядывая на часы). От Боровицких ворот что-то ни слуху ни духу. Ох, чует мое сердце: кому-то нынче быть или не быть.

Зимина. Мечтаете о переменах, Михаил Эрстович?

Осмоловский. Помилуйте, какие мечты, Наталья Федоровна? Скорее, легкое воспаление умов. Нет, верно, а?.. Переутомились все от избытка бессонницы. Беготня, слухи. Нервы играют у всех, как балалайки. Такой Пленум!.. Мы вот шукарем, а в эту минуту, может быть, год шестьдесят четвертый переправляют обратно на сорок девятый. Нет, кроме шуток, а?..

Зимина демонстративно придвигает к себе одну из папок на столе.

Стоит ли знакомиться с этим делом еще раз?

Зимина. Давайте-ка пробежим по второму кругу. Если вы не очень устали. Осмоловский. Пробежать можно. Да что, между нами говоря, толку?

Зимина. А вдруг?

Осмоловский (добродушно). «Вдруг», Наталья Федоровна, только в сказках бывает. А в нашем ремесле — факты и концепция, концепция и факты. (Присаживается к столу, со вздохом придвигает

к себе бумаги.) Фабула дела такова: летом тысяча девятьсот сорок четвертого года линию фронта перешел неизвестный с документами штурмбанфюрера эскадрильи эс-эс «Вестфалия-Рейн» Курта Гофенштайна. При допросе задержанный показал, что является бывшим политруком семьсот двенадцатого сибирского полка Русаковым Владимиром Алексеевичем. По его словам, в июне сорок второго года он был ранен под Воронежем, попал в плен, бежал к партизанам, действовал на территории Югославии под кличкой Мачка — Кошка. При проверке эти сведения не подтвердились. Личность задержанного осталась не установленной. (Листает дело.) «По статье...» Так. «Отбывал наказание в лагерях особого режима». «На доследование дело поступило в августе пятьдесят шестого...» Стех пор оно доследовалось еще дважды. (Нажимает кнопку на столе.)

Слева, в луче прожектора Русаков — седая голова, темная борода. Держится с подчеркнутой лояльностью, которая выглядит почти издевательской.

Заклоченный Русаков! Следствие считает необходимым ознакомить вас с результатами дополнительной проверки обстоятельств вашего дела. (Зачитывает документы.) «На ваш повторный запрос Музей Народной революции в Загребе сообщает, что никаких данных о партизане по кличке Мачка в архивах музея не обнаружено. С партизанским подпольем Хорватии связан не был...» «Младший политрук семьсот двенадцатого сибирского полка Русаков Владимир Алексеевич пал смертью храбрых двадцать седьмого июня тысяча девятьсот сорок второго года в боях за Воронеж. Похоронен в районе деревни Столбищи...» «Штурмбанфюрер эс-эс Гофенштайн Курт-Мария погиб в авиационной катастрофе в июне тысяча девятьсот сорок четвертого года. Место захоронения — Лютеранское кладбище, Триест...» Итак: двое из тех, за кого вы себя выдаете, погибли; один никогда не существовал. Хотите что-нибудь прибавить?

Русаков. Нет.

Зимина. Русаков, вам известно, что ваше дело доследуется третий раз?

Русаков. Известно, гражданка... Простите, не знаю, как вас?..

Зимина. Зимина Наталья Федоровна. Я член комиссии с широкими полномочиями.

Русаков. Понимаю, гражданин член комиссии.

Зимина. Что же вы опять отмалчиваетесь? Почему не хотите помочь следствию? Может быть, в последний раз решается судьба вашего честного имени?

Русаков (*искреннее сожаление*). Мне нечего прибавить к тому, что я уже говорил, гражданин член комиссии.

Зимина. Мне лично вы еще ничего не говорили.

Русаков. Личности мне не интересны, гражданин член комиссии. От личностей у меня, извините, в глазах рябит.

Осмоловский. Сколько воды утекло — все изменилось до неузнаваемости. А вы бубните одно и то же, Русаков. Как вам не надоест?

Русаков. Ничего такого неузнаваемого, извиняюсь, пока не вижу. Вас, например, гражданин следователь, я при любой погоде по канту узнаю.

Зимина. Люди-то выходили из тюрем или нет?

Русаков. Так то — люди.

Осмоловский (*с наслаждением закуривает*). Русаков, вы показали в свое время, что были ранены и в беспамятстве попали в плен. Так?

Русаков. Так точно.

Осмоловский. Вы слышали когда-нибудь, чтобы наших политработников немцы брали в плен? Если откровенно?..

Русаков. Комиссаров и политруков расстреливали на месте, гражданин следователь.

Осмоловский. Значит, попав в плен, вы скрыли, что были политруком?

Русаков. Нет... (*Показывает*.) Звезды были на рукавах. В сорок втором мы еще носили звезды.

Осмоловский. И вас не расстреляли?

Русаков. Не расстреляли. Даже звезды не спорили. Так со звездами везли до самого Житомира. Для допросов спецназначения.

Осмоловский. Вы сами-то верите в то, что рассказываете?

Русаков сокрушенно пожимает плечами.

Эх, Русаков, Русаков. А ведь обещали...

Русаков (*Зиминой*). Сердится на меня гражданин следователь. Правды жизни

маловато. Уж я и так и эдак — хоть плачь. Никак со своей биографией в эту самую правду жизни не уложусь.

Зимина. Значит, были основания, голубчик, предъявить вам обвинения, что вы — самозванец?

Русаков (*ей в тон*). Были, голубушка, были.

Зимина. И вас это не беспокоит?

Русаков (*почти стесняясь собственной беззаботности*). Не беспокоит, гражданин член комиссии.

Зимина. Неужели это правда, Владимир Алексеевич?

Русаков (*умилительно*). Ах, гражданин член комиссии, правда — самая неправдоподобная вещь на свете. Вот и врем наперегонки, каждый в меру своих способностей.

Осмоловский нажимает кнопку, прожектор гаснет. Зимина и Осмоловский остаются одни.

Осмоловский. Вы удовлетворены?

Зимина. Вполне.

Осмоловский. Что вас еще интересует?

Зимина. Почему он так спокоен.

Осмоловский. Изобличен. Надоело выкручиваться. С тех пор как я занялся этим делом, он слинял. Изолгался, извертелся, выдохся. Между нами, девочками, — ни одному слову тут нельзя верить.

Зимина. Жаль. Хотелось бы верить.

Осмоловский. Ну зачем же упрощать?.. Все, кто заслуживает доверия, давно на воле. О чем идет речь в каждом подобном случае? О справедливости! Не о всепрощении, Наталья Федоровна. О справедливости, погранной в годы беззакония!

Зимина. Это вы хорошо сказали.

Осмоловский. Вот мы с вами тратим время на заведомого подонка. Уговариваем его быть искренним. А он потешается над нами. Смеется в лицо.

Зимина. Держится он, голубчик, нагло.

Осмоловский. Наглец! Мы с ним старые знакомые. Хотите знать мою версию?.. Полицай и мародер! Документы Русакова снял с убитого, реглан Гофенштайна добыл грабежом, югославского партизана Мачку выдумал.

Зимина. Если так, надо любой ценой

вывести его на чистую воду. Зачем полицаю уходить от расплаты?

Осмоловский. Он уже понес наказание.

Зимина. Этого мало. Может быть, он наших людей пытал?

Осмоловский. Ну, не думаю... Скорее всего, мелкий прохвост.

Зимина (*листает дело*). Не такой уж мелкий... У него, у миленького, два побегов. И убийство. Уже в лагере.

Осмоловский. Что это за убийство?.. Драка с уголовником. Свидетели в один голос признали — драка.

Зимина. Все-таки убийство...

Осмоловский нажимает кнопку, справа в луче прожектора появляется Шмакин — лысый череп, озорные глазки.

Осмоловский. Гражданин Шмакин, весной тысяча девятьсот сорок пятого года вы отбывали наказание совместно с Коржавиным Эдуардом, по кличке Губан, и явились свидетелем убийства его заключенным Русаковым?

Шмакин. Точное дело, гражданин следователь.

Осмоловский. Вы подтверждаете данные ранее показания?

Шмакин. Подтверждаю.

Осмоловский. Вам нечего добавить к своим показаниям?

Шмакин. Нечего, гражданин следователь.

Зимина (*переглянувшись с Осмоловским*). Шмакин, мы хотим дать вам очную ставку с Русаковым. Не возражаете? Шмакин (*паника*). Не надо!.. Хватит с меня этих нервов... (*Осмоловскому*). Гражданин следователь, не желаю! Имею право!..

Зимина. В чем дело? Чего вы испугались?

Шмакин (*растерянность и страх*). Убьет! Зимина. Успокойтесь, голубчик! Как он может убить вас здесь? Что за вздор?

Шмакин. Сумеет! Он уже грозился мне прошлый раз...

Зимина (*Осмоловскому, вполголоса*). Почему он его так боится?

Осмоловский. Не придавайте значения. Истерик. Наркоман. Уже после войны третья судимость.

Зимина. Шмакин, мы гарантируем вашу безопасность.

Шмакин (*запевает дрожащим голосом*).

Павшие братья,
Вечно вы с нами,
Пусть будет крепок
Смертный ваш со-о-он!..

Осмоловский. (*Зиминой*). Псих!

Зимина (*сдерживая смех*). Шмакин, подождите себя отпевать.

Шмакин. А чего ждать?.. Он теперь, увидючи меня через года, непременно подумает, что это я тогда всю их шайку заложил!

Зимина. Какую шайку?.. (*Ловит его на слове*). Ту самую?..

Шмакин. Ту самую! Организацию ихнюю подпольного парткома.

Зимина и Осмоловский поднялись с мест.

Зимина. Как вы сказали? Подпольного парткома?..

Шмакин (*спохватился; вытянув руки по швам, поет дрожащим голосом*).

Вперед же, товарищи,

Все по местам!

Последний парад наступает...

Зимина. Довольно паясничать! Говорите, Шмакин!

Шмакин (*логас*). Расскажу. Только вы его ко мне не подпускайте... У него щепка в рукаве. Страшнее финки. Всегда у него щепка в рукаве. Этой щепкой он и Губана пришил. Точное дело — в горло саданул. Его все боялись, зверя этого! И с Губаном он сцепился потому, что за свойских вступился...

Затемнение.

Первое показание Шмакина

Из затемнения: на просцениуме группы людей. Пересыльный лагерь. Ночь. Свет качающегося фонаря. На переднем плане лежат двое — это Безусов и Лопатин. Шмакин тряпкой бьет Безусову голову.

Безусов. Пить!

Шмакин. Потерпишь.

Безусов. Память отшибло. Где я? В плену?

Шмакин. На Родине-России.

Безусов. Почему же нары? И проволочка?..

Шмакин (*его разбирает смех*). Для пейзажу!

Безусов. Кровь у меня на руке?..

Шмакин. Били. С уркаганами вас везли. Вот они и шутили всю дорогу. Пока сиволобы не отняли.

Безусов. Какие сиволобы?

Шмакин. Известно, какие они тут — опровергнутые.

Безусов пожимает ему руку.

Я-то? Нет!.. Бывший фельдшер, статья сто сорок косяк... «Простите, говорит, вы, говорит, не математик? Нет, говорю, я, говорю, астматик!» (Хочет, довольный своим анекдотом. Заметив, что Лопатин открыл глаза, обращается к нему.) Эй, а ты тот самый капитан из Бреслау? Стало быть, из немецкой кошелки прямо в советскую?

Лопатин. Стало быть так.

Шмакин. Стоило так далеко бегать?

Лопатин. Кому далеко, а кому близко.

Шмакин. Не все едино, где подыхать?

Лопатин. Тебе, жуку, может и едино, а у меня духовный интерес.

Шмакин. Мечтаешь отыграться?

Лопатин. Об товарище Сталине мечтаю, чтобы он самолично меня расстреливал, а я бы ему трижды славу прокричал. Шмакин. Зачем же такое упоение чувств?

Лопатин. Затем, чтобы в кольце врагов уверился: преданнее нас ему не найти стальные кадры!

К ним приближается Степан Антонович Мазур. На нем лагерный ватник, пустой правый рукав заправлен за пояс. На голове рваный треух.

Мазур. Ну как они?

Шмакин (на Лопатина). Этот взорлил. А другой плох. Покормить бы надо, папаша. И ноги приобуть. А то загнетса.

Мазур отходит.

Лопатин. (Шмакину). Слышь-ка, как тебя?..

Шмакин. Шмакин я. Петяй, ежели по матери, Матренич.

Лопатин. Петр Матренич, обрисуй, кто этот безрукий?

Шмакин (равнодушно). Их тут цельный комплект: и парткомы, и завкомы, кого только нету.

Лопатин (подозрительно). Троцкисты, что ли?

Шмакин. По мне что цекисты, что троцкисты — один фитиль.

Мазур (отходит к фонарю). Товарищи, придвиньтесь поближе!.. Двое фронтовиков прибыли с последней партией. Бежали из плена. Пробирались через фронт к своим. Угодили сюда. Они избиты и раздеты. Могут замерзнуть. (Снимает треух.) В счет партийных взносов! Кто чем может. Для ослабевших.

Медленно идет по кругу, неся в вытянутой левой руке рваный треух, из темноты в этот треух кладут: листья сырой капусты, рваные рукавицы, запасные портянки. Неожиданно в тишине открывенный смех. Мазур останавливается.

Что это?.. Кто?..

Отряхивая мусор с колена, из темноты поднимается Русаков.

Русаков. Прошу прощения, нарушил трепетность минуты. Не обращайтесь внимания.

Мазур снова пускается в обход. Собрал еду и вещи, возвращается к Лопатину и Безусову.

Мазур. (Лопатину). Возьми-ка. На двоих. Лопатин. От троцкистов — не желаю! Мазур. Не дури!.. (Безусову.) А ты крепись, сынок.

Шмакин (Мазуру). Чудак-человек. «Простите, говорит, вы, говорит, не математик»?.. А я ему: «Нет, говорю, я, говорю, астматик».

Снова за спиной Мазура возникает Русаков.

Русаков. Стесняюсь спросить, самых партийных, которые из ВОХРы или из кумовьев, не облагаете?

Мазур. Над чем смеешься, друг?

Русаков. Ужасно занимательно было — про взносы.

Мазур. Не уважаешь?

Русаков. Сострадаю. Я к человеческой слепоте ужасно сострадательный.

Появляется новая группа заключенных: несколько уголовников во главе с атлетического сложения парнем. Это

Эдуард Коржавин, по кличке Губан.

Губан (короткий свист). Жукавые, ко мне!..

Лопатин (испуган, Мазуру). Это он! Губан. Тот самый... Всю дорогу бил меня.

Шапку отнял и платок. Политиков ненавидит.

Мазур отходит к фонарю.

Губан. Кто тут живой?.. (Мазуру.) Эй ты, папашка! Топай-ка сюда!

Старожилы поднимаются со своих мест. Мазур приближается к Губану.

Ты из каких, доходяга?.. (Своим спутникам.) Стесняется. Стало быть, из энтих. (Мазуру.) Ты поговори, поговори со мной! Я тоже интеллигент. Молчишь?.. Стало быть, вам, сукиным сынам, нечего сказать простому русскому человеку?.. Против кого же вы свою политику вели? Он же гений всех времен и народов! Я, вор, и то его признаю!.. (Без всякого перехода.) Организуй мне, папашка, ночлег, усекаешь? Чтобы шкура была и чем укрыться. Топай, пока тебе вторую лапку не оборвали...

Смех.

Мазур. Кончай театр!

Губан (наставляет ухо). Чего это?..

Толкает Мазура в грудь, тот падает на руки товарищей. Несколько человек бросаются к Губану, их останавливает Русаков.

Русаков. Позвольте мне! (Подходит к Губану вплотную, держится очень вежливо.) Послушайте, интеллигент, мы с вами не успели еще познакомиться. Очень сожалею.

Губан (его разбирает смех). А ты не жалей. Успеешь еще пожалеть.

Русаков (меланхолично-весел). Да, да, я тоже страдаю врожденной смешливостью. Что смешно, то смешно... (Неожиданно выдергивает у него изо рта папироску.) Не отравляйте себя никотином, когда с вами беседует старший...

Губан опешил от такой дерзости.

Будьте любезны, возвратите головной убор, который вы по дороге позаимствовали у нашего товарища. (Ловко снимает с Губана шапку и шарф.) Благодарю вас!.. (К остальным.) Видите, как быстро мы договорились? Милый мальчик. Не надо на него сердиться.

Губан (делает движение, чтобы броситься на Русакова). Приблатнять?.. Меня приблатнять?..

Русаков (строго). Ни-ни! Если вы еще раз тронете здесь кого-нибудь хоть пальцем, мне придется вас очень, очень огорчить!

Уголовники сдерживают за плечи трясущегося от ярости Губана. Русаков отходит к Лопатину, возвращает ему шапку и шарф.

Шмакин (Губану). Не связывайся, пахан! Они тут круговую держат. Опасайся! (Что-то шепчет ему на ухо.)

Губан (отталкивает Шмакина). Ну, агенты империалистических держав, спасайте ваши души! (Скручивает ремень, накидывает на него гирьку.)

Русаков. Кажется, наш гость чем-то недоволен?

Мазур. Оставь его!

Русаков. Это невежливо. Очень жаль, но знакомство придется упрочить. (Губану, мягко.) Идите же сюда! Идите, идите... (Остальным уголовникам.) Будьте любезны, встаньте у двери, чтобы нас не отвлекали... (Губану.) Послушайте, интеллигент, как вам не стыдно? Явились ночью в семейный дом и поднимаете шум. Толкнули папашу. Папаша — одорукий. У него осталась только одна рука — левая. Правую он потерял еще на той каторге. Вы поняли?.. Надо извиниться!

Кастет со свистом пролетает около виска Русакова.

Разбазаривать торговый инвентарь?

Губан бросается на Русакова. Страшный, почти незаметный удар в пах и Губан валяется на полу, скорчившись от боли.

Мне очень жаль. (Наклоняется к нему.) Я предупреждал вас — со мной без жестикуляций. На пальцах я плохо понимаю.

Русаков отходит. Губан вскакивает и бросается сзади на Русакова, в руке у него самодельная финка-звездь.

Лопатин. Сзади!

Короткий поворот, и в горло Губана всажена острый деревянный шип. Губан падает замертво. Все шарахаются в стороны.

Русаков. Какая неосторожность... (Искренне огорчен. Замечает Шмакина.) Что вы так смотрите, Шмакин? Я сочувственный и деликатный человек. Вы поняли, Шмакин?

Шмакин (*заикаясь*). Так точно...

Русаков. Больше всего я не люблю, когда людям делают больно. Ужасно жалко людей. А мне всю жизнь приходится убивать. Что вы думаете об этом, Шмакин?

Шмакин. Судьба.

Русаков. Судьба? Возможно... (*Уголовникам.*) Ну-ка, светлые мои, приберите мусор. Официальным лицам скажем, что интеллигент наткнулся в темноте на щепку. Попрошу запомнить точно. И чтобы ни-ни!.. Не будем огорчать друг друга.

Уголовники поспешно уносят тело Губана в угол.

Видите, дети, каким надо быть осторожным, когда попадаешь на новое место? А теперь всем спать! Спокойной ночи!

Все расходятся по своим местам.

Шмакин (*борется с тошнотой*). Убил, падлый, будто комара. Даже не поперхнулся...

Лопатин. Спускать нельзя. Замордовали бы... (*Русакову.*) Эй, товарищ, как тебя?

Русаков *наклоняется над Лопатиным. Тот хватает его за руку.*

Я тут не разбираюсь, кто социально-чуждый, а кто нет. Но ведь есть же и ошибочные? Верно ведь?

Камни Магадана,
Нарымские туманы,
Колымы свинцовое кольцо
Сберегут глухую,
Хриплую, святую
Песню оклеветанных бойцов...

Русаков (*вежливое изумление*). Это вы мне?.. Гран-мерси. Только я союзу кумовьев и стукачей не единомышленник.

Лопатин отшатывается. Пауза.

Мазур (*подошел незаметно. Русакову*). А я тебе, герой, когда-то жизнь спасал. Русаков. Не жалейте, ваше преподобие. Для такой жизни спасать что кистенем заговаривать.

Мазур (*сдержавшись*). Спасибо.

Русаков. Не дорогого стоит.

Безусов начинает метаться, стонать. Мазур присаживается рядом, кладет его голову к себе на колени.

Безусов. Плохо мне, отец.

Мазур. Прости, друг. Нечем больше помочь. Держись до утра.

Безусов. Так и помру, никто не узнает.

Мазур. Узнают, пересмотрят.

Безусов. Жена-то отреклась. И ребятенка увела.

Мазур. Обманулась. Люди могут обманываться.

Безусов. Зачем ты мне слова говоришь? Помираю я, отец!.. Как же так? Зачем?..

Мазур. Не дергай ты себя, побереги душу. Не на все еще вопросы готов ответ.

Русаков. Крепись, особист, оклемаешься — сам еще сажать будешь!

Мазур (*сжал кулаки, на Русакова*). Ты!.. Отойди, гадюка!

Пожав плечами, Русаков отступает в темноту. Поодаль беседуют между собой Лопатин и Шмакин.

Лопатин (*мучаясь неразгаданным*). Может, они не все троцкисты, а только шпионы?

Шмакин. Бес их разберет. Тайная, слышь, организация. Видал как держатся?

Лопатин. А этот, который приבלатенный... вроде бы не из их?

Шмакин. Ты помалкивай больше! Тут пришьют — и не пикнешь.

Ночной лагерь уплывает в темноту. Снова служебный кабинет. Зимина, Осмоловский и в луче прожектора Шмакин, заканчивающий свои показания.

Зимина. Значит, они не приняли Русакова за своего?

Шмакин. Вроде бы отвергли, гражданин следовательно.

Зимина. Даже после его заступничества?

Шмакин. Выходило так, что не договорились.

Прожектор выключен. Зимина и Осмоловский одни.

Зимина. Они не приняли Русакова за своего.

Осмоловский. Логично: опороченные коммунисты и матерый власовец. Что общего?

Зимина. Ничего общего. Вообще непостижимо, как могли встретиться на

Сучанской пересылке в сорок пятом все эти люди? Шмакин, судя по печатам, отбывает уже в это время свой первый лесоповал. Русаков — на «Речлаге», фронтовики — на этапе через Читу. Каким чертом свело их всех на Сучане? Что за мистика?

Осмоловский. В конце сорок четвертого по всему УСВИТЛу были передвижки зеков, связанные с вспышками насилия. Тогда же Русакову меняют режим. Так что никакой мистики. Обычная тасовка через Читу трех зекопотоков. Зими́на. А документы? Документы врут?

Осмоловский. Опять вы с домашними пирогами в казенный ряд. Мимо документа в таких случаях работает «пакет служебного сокрытия». Не слышали про такую штуку?

Зими́на (*над бумагами*). «Речлаг», «Вторая речка», «речники». Это ведь вовсе каторжные, Михаил Эрастович? Особый режим?

Осмоловский. Режим как режим.

Зими́на. Номера на спине и на груди?

Осмоловский. Не на шкуре же, на тряпках... ГУЛаг цифру любит. От Воркуты до Колымы сплошная астрономия, звездные миры. «Инта-Уголь», Магадан — полярный пейзаж, хрустальная сказка! Нет, точно, а? Романтика! (*Подмигнув, напевает*).

Я живу близ Охотского моря,
Где кончается Дальний Восток,
Я живу без нужды и без горя,
Строю новый стране городок.

Вот окончится срок приговора,
В голубую мечту окупнусь
И на поезде в мягком вагоне
Я к тебе, дорогая, примчусь...

Зими́на. Вагоны, однако, придержались?

Осмоловский (*посерьезнел*). Не сочли практичным. Сам Верховный. Лично отклонил. Да и некому было дергать нервы. К той поре всем, кроме уголовных, накрутили новые сроки. Кому двойные, а кому и полные двадцать пять — до упора, поскольку военной амнистии им не досталось.

Зими́на (*решительно*). Я хочу заслушать свидетелей, привлеченных к опознанию личности Русакова!

Осмоловский (*утомленно*). Они же

рассказали все, что могли. (*Придвигает к ней бумаги*.) Здесь полный отражанс... Зими́на (*отодвигает бумаги*.) Михаил Эрастович, я прошу вас.

Осмоловский (*шутливо отчаяние*). Я сразу понял, что вы не успокоитесь, пока по уши не влезете в это бездарное дело. Строго между нами: упрямая вы дама, Наталья Федоровна!

Зими́на. А вдруг?

Осмоловский. Опять «вдруг»?.. Где это видано, чтобы в наши дни человек уклонялся от реабилитации? Что за абсурдная идея?

Зими́на. Считайте это моим женским капризом. Вы привыкли к женским капризам, не так ли?

Осмоловский, сердито дернув головой, нажимает кнопку. В луче прожектора справа Борис Шарич, смуглое лицо, тяжеловатый подбородок.

Осмоловский (*Зиминой*). Гражданин Югославской Федеративной Социалистической Республики Борис Шарич!

Шарич (*сербский акцент*). Сожалею, что ничем не могу быть полезен. Партизана по кличке Мачка не знаю... (*После короткого колебания*.) Нет, не знаю!

Осмоловский. Спасибо, товарищ Шарич.

Зими́на. Вы, кажется, хотели что-то прибавить?

Шарич. Я подумал: может быть, мы имеем дело с человеком, носившим несколько кличек?

Осмоловский. В деле фигурирует только одна кличка.

Шарич. Возможны двойные клички. Так бывало. Любопытная фигура такого рода — партизан, известный у нас под кличками Лепый и Черный.

Осмоловский. Простите, при чем тут?..

Зими́на. Продолжайте, товарищ Шарич!

Шарич. По некоторым данным, такие клички носил советский офицер, сражавшийся в Черногории и Далмации именно в это время... Вот немецкая листовка. (*Достает из портфеля бумагу*.) В то время на всем побережье итальянцев уже сменили немцы. (*Зачитывает листовку*.)

«За голову большевистского бандита по кличке Лепый, виновного в многочисленных дерзких убийствах и диверсиях, немецким военным командованием назна-

чается крупная награда в лирах, марках или другой валюте — по желанию. За живого или мертвого. За сокрытие — расстрел! Если знает кто, где находится, и не скажет — расстрел!..» Это объявление появилось через три дня после убийства генерала Шамбильони. Редкий мерзавец даже по тем временам. Лично пытал и насиловал...

Зимина (встрепенулась). Как вы сказали? Шамбильони?..

Пржектор справа выключен. Зимина нажимает кнопку на столе. В свете прожектора слева Русаков.

Русаков, вы показали в свое время, что убийство генерала Шамбильони в Дубровнике — дело ваших рук?

Русаков. Да, кажется, я убивал кого-то под этим именем.

Осмоловский. Время и место покушения?

Русаков. Наверное, это было ночью. Что-нибудь около полуночи. Я стрелял в освещенное окно... Да, скорее всего, я стрелял в окно комендатуры.

Пржектор левого просцениума выключен. В ту же секунду включен прожектор справа — на Бориса Шарича.

Шарич. Генерал Шамбильони был убит днем, на пороге своей резиденции, виллы «Марина». Убит кинжалом на глазах своей личной охраны, патрульных и десятка прохожих!

Пржектор выключен. Осмоловский и Зимина одни.

Осмоловский. Опять то же самое: путается и лжет, лжет и путается!

Зимина. Может быть, разуверился в пользе чистосердечных признаний? До сих пор они, кроме вреда, ничего ему не приносили.

Осмоловский. Это для меня, простите, слишком сложно.

Зимина. Сложно?.. Учтем сложность! Примем к сведению!

Нажимает кнопку. В луче прожектора справа Борис Шарич.

Товарищ Шарич, вы можете рассказать подробности покушения на генерала Шамбильони?

Шарич. Еще бы! Это разыгралось у меня на глазах. Чудо отваги и изящества.

Каждый шаг, каждый жест, как в театре. Ничего подобного я не видел ни до ни после... За месяц до этого случая мы начали слезку за Лепым, пытаюсь связать его с партизанским подпольем. Увы! Он был неуловим и для врагов и для друзей... В тот день мне повезло. Я подстерег его возле фонтана у доминиканского подворья. Впервые он появился в городе днем. *(В движении, живо разыгрывает всю сцену с далматинским темпераментом.)* Вот так стоит он. Вот так стою я. Жду удобной минуты, чтобы заговорить... Меня опережает девчонка в белом. Они целуются, привлекая общее внимание, и направляются в сторону «Княжьего двора». Я тянусь следом, все еще рассчитывая улучшить минуту, чтобы обменяться с ним дюжиной фраз... Девчонка все время напевает что-то. Как это? «Черные розы»! Этот шлягер гулял тогда по ночным барам Опатии... На набережной эти двое сворачивают в сторону виллы «Марина». Останавливаться здесь запрещается. У ограды патруль. В большом саду напротив патефон наигрывает марш. Молодые люди делают вид, что никак не могут проститься. Патрульные отпускают по их адресу шутки... У ворот разворачивается машина. Выходит адъютант, за ним — Шамбильони, трое из охраны... Патефон в большом саду вдруг перескакивает на «Черные розы». До сих пор я помню эти «Черные розы», будь они прокляты... *(Голос его пресекается. Прикрыв ладонью глаза, на минуту замолкает.)*

Низкий женский голос *(поет за сценой).*

Черные розы — зори ночные,

Мрачные, поздние, тайные зори.

Черные розы — губы чужие,

Шепот оборванный, тени над морем...

Слушай зовущих!

Доверься манящим!

Пей за поющих!

Живи настоящим!

Шарич. Очевидно, песня — условный знак. Сразу же за этим влюбленные наконец расстаются... Девчонка идет прямо на Шамбильони. Тот, улыбаясь, пятится, давая дорогу даме. Пятится охрана. Адъютант между тем успевает уйти вперед. Легкое замешательство... Как бы желая вывести свою подругу из затруднительного положения, Лепый

подходит ближе. Генерал Шамбильони падает на колени с кинжалом, всаженным в горло по самую рукоятку... В первую минуту никто ничего не понимает. Адьютант вертит головой. Охрана топчется на месте...

Зимина. Кинжалом в горло? (*Осмоловскому.*) Заметьте, Эдуард Коржавин убит тем же приемом. (*Шаричу.*) Продолжайте!

Шарич. Прикрывая свою партнершу, которая успевает свернуть в переулок, Лепый отходит в тень деревьев. Когда раздается первый крик, он так же не спеша открывает через плечо огонь по охране и патрулям... Внутренняя охрана виллы поднимает наконец тревогу. К месту происшествия устремляются десятки машин со всех концов Дубровника. Сообразив, что через пять минут весь район будет оцеплен и начнутся облавы, я удираю проходным двором в сторону моря...

Прожектор с Шарича выключен. Зимина включает прожектор на Русакова.

Зимина. Русаков, расскажите подробности покушения на генерала Шамбильони!

Русаков (*сожалея*). Подробностей не было. Мне никогда не везло на подробности.

Прожектор выключен. Зимина и Осмолковский одни.

Зимина. Может быть, дефект памяти? Медицинская экспертиза не отрицает возможности психической травмы после ранения в голову.

Осмолковский (*пожимает плечами*). Ну знаете ли!.. Если все несообразности списывать на провалы памяти, тогда вообще никакое следствие невозможно.

Зимина включает прожектор на Шарича.

Зимина. Товарищ Шарич, вы сказали, что именно вам было поручено связаться с партизаном по кличке Лепый?

Шарич. Я охотился за ним почти месяц, с мая по июнь сорок третьего.

Зимина. И вы узнали бы его сейчас в лицо?

Шарич (*подумав*). Я видел его только несколько раз и всегда мимоходом. Прошло столько лет, и, надо думать, он изменился. Но у меня цепкая память, и лицо, о котором идет речь, незаурядно!..

Прожектор на Русакова. Очная ставка. Стоя по обе стороны прощениума в свете прожекторов, Шарич и Русаков всматриваются друг в друга.

Это не он! Ничего общего. Тот был... красив. «Лепый» значит «красивый». Почти девичье лицо. И это поражало больше всего... Нет, это не он!

Оба прожектора выключены. Осмолковский, скрывая торжество, с наслаждением закуривает. Зимина, задумавшись, смотрит прямо перед собой.

Осмолковский. Дайте слово не обижаться, Наталья Федоровна, на то, что я вам скажу... Если откровенно: женщина-следователь все-таки аномалия. Я не унижаю женского начала, напротив. Но есть профессии сугубо мужские. Возьмите наше ремесло: ворочаешь с боку на бок человеческие глыбы, до того грубые и, стыдно выразиться, грязные — все сердце об них обдерешь. Мужское сердце! А вы... (*Ласкает ее взглядом.*) Вы слишком женщина. Вы, строго между нами, прежде всего женщина.

Зимина. Я этого не скрываю.

Осмолковский. Вам это трудно было бы скрыть. Допускаю, что вы были прекрасным комсомольским работником...

Зимина. Я и пионервожатой была. (*Барабанит карандашом по столу.*) «Старый барабанщик, старый барабанщик, старый барабанщик крепко спал...»

Осмолковский. И на здоровье! Пускай бы спал... В сущности, все мы изменяем своему призванию. Я в юности мечтал быть киноактером.

Зимина. Мы отвлеклись.

Осмолковский. Разрядка!.. При нашем ремесле, если не потрепаться да не подурчиться хоть изредка — угоришь.

Зимина. Вернемся к делу.

Осмолковский. Дался вам этот человек!..

Зимина. Пускай он не был Лепым. Но, может быть, он все-таки Русаков?

Осмолковский резко придвигает к себе бумаги, нажимает кнопку. В свете прожектора Русаков.

Осмолковский. Хотим вернуться к вашим фронтovým воспоминаниям, заключенный.

Русаков. Я думал, мы затрепали этот сюжет, гражданин следователь...

Зимина. Это моя инициатива, голубчик.

Русаков. Ах, забыл. Гражданин член комиссии, которая уважает «правду, как она есть»?.. Что ж, попытаем счастья.

Зимина. Я вижу, вы весельчак, Владимир Алексеевич.

Русаков. Жизнь радует, гражданин член комиссии. Конечно, кто сам не сидел, не поверит. Это вроде солдатской похлебки. Кто сам не попробовал, тот и вкуса этого не знает.

Осмоловский. Между прочим, Русаков, гражданка, которой вы толкуете про вкус солдатской похлебки, — бывшая летчица из полка пикирующих бомбардировщиков имени Расковой. Не слышали о таком?

Русаков. Как же, рассказывали. Потешное войско. «Товарищ лейтенант, почему не приветствуете старших по званию?..» — «А мы незнакомых мужчин не приветствуем». Дунькин полк!.. Собьют какую-нибудь Зойку или Мусю — на два дня война кончается. Рев в расположении, хоть святых выноси!

Осмоловский. Не могло этого быть!

Зимина. Могло! *(Пауза.)* Могло... Но ведь это были женщины, голубчик. Самые натуральные. Они плакали, влюблялись, забывали козырять. А дрались и погибали по-мужски. Разве это не самое удивительное, дорогой мой?

Русаков. Да.

Зимина. И разве это смешно?

Русаков. Простите, оплошал. Бить меня, пошляка, некому.

Зимина. В каких боях вам приходилось участвовать?

Русаков *(твердо, как заученный урок)*. В конце июня сорок второго принимал участие в битве, которая развернулась в междуречье Дона-Воронежа. В результате героических действий советских войск на этом участке раскалялись стволы бронебойных ружей, танки бросались на танки и броня сшибалась с броней!

Зимина *(переглянувшись с Осмоловским)*. Нельзя ли попроще, голубчик, не так казенно?..

Русаков. Ах попроще? Можно.

Осмоловский. Что вы помните, например, о перегруппировке наших частей, осуществленной как раз на Воронежском плацдарме?

Русаков. Я, извиняюсь, не знал, что это называлось перегруппировкой. Но бежали резво.

Осмоловский. Кто бежал?

Русаков. Остатки Девятой армии. Целый день бежали мимо нас.

Осмоловский. Как это бежали?

Русаков. Красиво бежали. Можно сказать, победоносно бежали, гражданин следователь. Я тоже не сразу разобрался. А потом вижу — заманивают! Расчет верный: не выдержит немец такой гонки, выдохнется и помрет естественной смертью. И ведь как взялись?.. Немец и так, и сяк, и мотоциклы, и танки. Ни черта со своей техникой поделывать не может — отстал! Да, весело бежали. Драки около машин, перестрелочки на переправах... Я боялся, что они сомнут нас раньше, чем мы увидим немцев.

Осмоловский *(узвелен)*. Я лично отходил с боевыми порядками Девятой армии. И я утверждаю, что ничего подобного не было!

Русаков *(охотно)*. Заврался, гражданин следователь. Извините.

Осмоловский. Вы же сами говорили: как только мы смогли опереться на Воронежский плацдарм, мы остановили врага!

Зимина. Простите, Михаил Эрастович, у заключенного родилась новая версия. Давайте послушаем?.. Говорите, Русаков. Мне это любопытно просто по-человечески. Мой отец — участник воздушных боев в междуречье.

Русаков. Воздушных боев не помню. Воздух был немецким. От Воронежа до Усмани все лежало в развалинах. Район разбомбления, парализованных коммуникаций и подавляющего господства немецкой авиации.

Зимина. Если положение к началу битвы выглядело так мрачно, кто же, дорогой мой, остановил врага?

Русаков. Врага остановили сибирские полки, стоявшие в резерве Юго-Западного фронта.

Осмоловский *(ирония)*. Каким же образом? Если по-честному?

Русаков. Когда немецкие мотомеханизированные дивизии, висевшие на хвосте Девятой армии, выскочили на Воронежский плацдарм, они напоролась на сибирские полки, которые хотели драться. Только и всего.

Ос м о л о в с к и й. Это становится действительно любопытным. Когда же это могло быть?.. Только говорите, пожалуйста, побольше за себя и поменьше за сибирские полки.

Р у с а к о в. За себя неинтересно.

З и м и н а. Говорите, как вам нравится. Когда это было?

Р у с а к о в. Двадцать седьмого июня, на рассвете, глубокоэшелонированные танки атаковали оборонительные рубежи в районе Столбищ. Сибирские полки легли там под немецкие танки, кровью смывая чей-то позор и чьи-то ошибки!

Нажатие кнопки, прожектор с Русакова выключен.

Ос м о л о в с к и й. «Что говорит? И говорит, как пишет».

З и м и н а. Рассуждает он, если не как участник, то как очевидец событий.

Ос м о л о в с к и й. Скажем прямо: эту часть своих воспоминаний он подработал основательней. Но изъясняется он заученными газетными фразами. Неужели вы не почувствовали?

З и м и н а. Да, это не живая речь. (*Вынимает зеркальце, поправляет прическу.*) Вам не кажется, что я внушаю этому человеку особую антипатию?

Ос м о л о в с к и й (*смеется*). Женоненавистник! Не исключено, что с женщинами у него связаны самые тягостные воспоминания и теперь его мутит от одного вида женской физиономии. Не могу, к сожалению, сказать того же о себе. Всю жизнь горю на женщинах, но это не сделало меня благоразумней.

З и м и н а. Мужчины любят теперь хвататься своей моральной неустойчивостью.

Ос м о л о в с к и й. Так же, как женщины — своей пронизательностью.

З и м и н а. Кстати, о Русакове. Может быть, мы не с того конца на него нажимаем? Может быть, начать следовало не с установления личности, а с анализа поведения?.. Почему он темнит? Вот детский вопрос... Предположим что-нибудь самое наивное: он, злюка, врет нам назло.

Ос м о л о в с к и й (*сдерживая смех*). Как вы сказали?.. Нет, вы — прелесть!

Нажатие кнопки. Прожектор опять включен на Русакова.

Итак, Русаков, июнь сорок второго. Воронеж в огне. Все бегут, только сибиряки

дерутся. Без взаимосвязи, без общего руководства, без приказов командования... Русаков. Почему без приказов? Приказы были.

З и м и н а. И герои тоже?

Р у с а к о в. И герои были. Одно такого до гроба не забуду.

З и м и н а. Храбро дрался?

Р у с а к о в. Красиво излагал.

З и м и н а. Что излагал?

Р у с а к о в. Обстановку, гражданин член комиссии. Когда теряющие ориентировку командиры частей запросили указаний, им было сказано, что «небольшой, просочившийся в наш тыл танковый десант противника надо окружить и уничтожить...». Прорыв под Касторной, бегство Девятой армии, смещение фронтов, бросок танковых дивизий врага через всю Украину к Волге — ничего не существовало для этого человека. Разве не герой?.. Ос м о л о в с к и й. Я, между нами говоря, не помню подобного эксцесса. Хотя непосредственно вращался в кругу тех самых «штабных голосов»...

З и м и н а. Что же дальше?

Р у с а к о в. И дальше то же самое. Когда артиллеристы ИПТАПа расстреляли последний боеприпас, а бронбойщики легли в круговую оборону, он все еще требовал «безусловного выполнения приказа и пресечения панических слухов».

Ос м о л о в с к и й (*глядя ему прямо в глаза*). Кто же был этот штабной герой?

Р у с а к о в (*не отводя глаз*). Забыл, гражданин следователь. Да это и неинтересно.

Ос м о л о в с к и й (*сильное раздражение*). Дело не в личностях, не так ли?

Р у с а к о в. Не в них, гражданин следователь. Правильно указали. Спасибо. Постараюсь учесть ваше замечание.

Ос м о л о в с к и й. Вернемся-ка лучше к той роли, которую вы лично играли в этих событиях. (*Берет бумаги.*) Если верить документам, в одном из боев под Столбищами младший политрук Русаков увлек своих бойцов в атаку на немецкий дзот... Чему вы улыбаетесь, заключенный? Что тут веселого?

Р у с а к о в. Простите, гражданин следователь. Я только подумал, откуда было взяться немецкому дзоту у атакующих с марша танковых дивизий?

Ос м о л о в с к и й. Не прикидывайтесь протачком. Вы отлично понимаете, о

чем идет речь. Это мог быть наш дзот, переходивший из рук в руки.

Русаков. Все понял! Хватаю на лету, гражданин следователь.

Осмоловский (*возвращаясь к бумагам*). Младший политрук Русаков подполз к немецкому дзоту, заткнул своим телом пулеметную амбразуру и, обеспечив тем самым захват дзота, погиб смертью героя... (*Русакову*). Что вы об этом думаете?

Русаков. Я думаю, что лично со мной этого быть не могло бы ни при какой погоде... Каждому, кто воевал, известно, каково атаковать дзоты в лоб. Плотность огня — мышонок голову не поднимет. Но если уж кому-то посчастливилось подобраться к дзоту, действуй как солдат, а не как припадочный. Можно загнать пулеметный ствол ударом приклада, забросать гранатами ходы сообщения, да мало ли что еще?.. А затыкать собой пулеметную амбразуру — самое бессмысленное дело.

Зимина (*пограсена*). Вы!.. Вы оплевываете подвиг, неоднократно повторенный в летописях Отечественной войны?

Русаков. Про летописи, извините, не знаю. Но я бы не стал.

Осмоловский. Вы хотите сказать, что вам непонятны высокие порывы человеческого духа?

Русаков. Совершенно справедливо, гражданин следователь, — «порывы». Только война не опера. Заткнуть можно пробкой бутылку. А ствол крупнокалиберного пулемета маневренен. Оттягивается мгновенно. Есть запасные амбразуры. Наконец, перерубленное пулеметной очередью тело рухнет. Огонь не прекратится ни на секунду. Какой же смысл?..

Осмоловский. Очевидцы солгали, так что ли?

Русаков. Представляя к награде, да еще посмертной, могли прибавить от чистого сердца. Выдумка внушительнее правды. Зимина (*возмущена*). Ну, знаете ли!..

Русаков. Я так и думал, гражданин член комиссии, что не сумею вам угодить. Поскольку правда эта самая нужна нам с вами, как барсуку зубная боль.

Осмоловский. Как вы разговариваете, Русаков?

Русаков. Простите, гражданин следователь. Зарвался, обнаглел. Спасибо, что одернули.

Зимина. Какая же часть этой правды может послужить на пользу вашему делу, Русаков?

Русаков. Правда, гражданин член комиссии, не каравай. Ее ломтями не нарежешь. Ее приходится покупать целиком.

Зимина нажимает кнопку. Проектор выключен.

Осмоловский. Получили удовольствие?

Зимина (*затрудненно*). Да, это было тягостно.

Осмоловский. Вот вам типичный вариант событий, увиденных глазами труса и дезертира. «Небо в овчинку», «все бегут», «начальство продало», «героев не бывает, потому что каждому своя шкура дороже»!..

Зимина. Нет лица! Какие-то осколки. Все разваливается, не совпадает, не совмещается...

Осмоловский. Наконец-то вы это поняли.

Зимина (*расстроена*). Мы не имеем права давать волю чувствам.

Осмоловский. А я вам говорю: он такой же Русаков, как и Лепый.

Зимина. Похоже на то. Но это надо доказать с такой же неоспоримостью. Неужели не осталось в живых ни одного однополчанина-бронейщика?

Осмоловский (*записывает в блокнот*). Проверим еще раз.

Зимина. Закончим пока со Шмакиным?

Осмоловский. Закончим. (*Умоляюще*.) Но Наталья Федоровна, дорогая!.. Смените тон... Поймите же, тут не кружок юных следопытов.

Зимина. Не сердитесь, миленький, я уж буду как умею.

Нажимает кнопку. В луче прожектора Шмакин.

Вы говорили, что Русаков угрожал вам расправой?

Шмакин. Вообразилось ему, представьте себе, что на воле я ходил некоторое время в стукачах по делам врачей-отравителей! А я, вот как перед богом, — чего нет, того нет!.. Но ведь такому не докажешь. Для него, гражданин следователь, убить человека все равно, что для меня смахнуть муху. Зверский человек! Недаром его и знакомец детства отверг... Зимина. Знакомец детства?

Шмакин. С мальчишек, то есть, знавший его. Старик этот безрукий, который у своих был за главного... Он первый: «Володя», — говорит!..

Затемнение.

Второе показание Шмакина

Снова из затемнения пересыльный лагерь. На переднем плане Русаков, он дремлет. К нему приближается Мазур, из своего труса достает краюху хлеба, лист сырой капусты, тряпку и складывает все это на колени Русакову. Тот открывает глаза.

Мазур. Володя!.. (Всматривается, неуверенно.) Володя, бери, поешь.

Русаков. Откуда? (Усмехнулся.) Мопровские взносы?

Мазур. Народ подобрался совестливый. (Присаживается рядом, ловко одной рукой сворачивает на колени папиросу.) Сколько ты ни отворачивался, я тебя сразу признал. Хотя вообще-то слепну потихоньку. На ощупь живу... Цыгара вот рассыпал... (Близоруко щурясь, шарит под ногами.)

Русаков. Стало быть, «кто сколько может»? «Для ослабевших»?

Мазур. Шарфиком этим мы ноги тебе замотаем. Дай-ка, я тебя научу. Ты у нас перогодок, а мы восьмую зиму ломаем. (Разрывает тряпку на две портянки.) Ты, главное, Володя, ноги тут береги.

Русаков. Ноги-то отвисятся. Научили бы, как невинность сберечь сразу промежду двух социализмов? Для вас ведь только там поправление, где ваших коснулось. А что половина людей за проволокой, так этих «зря не сажают». А мне, извиняюсь, без разницы, каким прикладом по роже. Мне любая гестапа — мать родная.

Мазур (с горечью). Вот ты какой?..

Русаков. Зато вы все такой же, гражданин Мазур, все такой же...

Затемнение. Из затемнения: служебный кабинет, Зими́на и Осмоловский.

Зими́на. Мазур?.. Старый Мазур? Директор Приволжского тракторного завода?.. Михаил Эрастович, нельзя ли заглянуть в дело старого Мазура?

Осмоловский. Позволю себе напомнить: полномочия наши не безграничны.

Нам поручено разобраться в последних недоследованных делах пропавших без вести героев войны? И прекрасно! Полковник Стеблин специально предупредил: чужого не цапать!

Зими́на (насмешливо). Сам полковник Стеблин?

Осмоловский. Сам или не сам, только вы со Стеблиным не шутите. Это я вам, очень любя, не советую. То есть, не приведите бог...

Зими́на. Пугаете?

Осмоловский. Вполне доверительно: не рекомендую. Поперек этих когтей становиться не рекомендую!

Зими́на. Приходится пренебречь.

Осмоловский. Это вы меня пугаете. Тут я стану насмерть!.. Есть темы, не подлежащие нашему обсуждению!

Зими́на. А по-моему, не может быть таких тем.

Осмоловский. О, господи!.. Откажитесь вы наконец от этого, простите, кисейного подхода к серьезным вещам!

Зими́на. Подхожу как умею.

Осмоловский. Понимаете ли вы, какую берете на себя ответственность?

Зими́на. Так уж и быть.

Осмоловский. Ответственность не только перед теми, кто... Но и, между нами говоря, перед историей!

Зими́на. Возьму на себя и историю. Что ж теперь поделаешь?

Осмоловский. Есть вопросы, которые решаем не мы с вами!

Зими́на. А мы превысим полномочия. Осмоловский. Я говорю о чисто юридических казусах...

Зими́на. Не казусах, а преступлениях!.. Что же вы стесняетесь даже слово это произнести?

Осмоловский (смотрит на нее в изумлении). Я вам не завидую! Нет, не завидую.

Зими́на. Дело Мазура на стол, Михаил Эрастович!

Осмоловский. Там посмертная реабилитация чуть ли не двадцатилетней давности!

Зими́на. Вот и полюбуемся.

Осмоловский (оскорбленный, резко поднимается из-за стола. Голос его обрывает металлическое звучание). Простите, это уж слишком! Это нарушение всех норм. Нельзя вести расследование на сплошных натяжках! Я протестую! Это, наконец,

вопрос принципа... Слишком много было спекуляций в свое время!

Зимина. Не понимаю, на что вы рассердились? (*Делает вид, что уступает.*) Если для вас это вопрос самолюбия, давайте кончим.

Осмоловский. Бог с ним, с самолюбием. Просто я не понимаю, чем продиктовано ваше упрямство?

Зимина (*вскользь*). Мне показалось, что чья-то рука сознательно запутала это дело.

Напряженное молчание.

Осмоловский. Странная мысль. Какие же основания?..

Зимина. Оснований никаких.

Осмоловский. Нет-нет, подобные подозрения не возникают сами собой. Давайте обдумаем вместе. Нельзя же так?

Уходя от этого разговора, Зимина нажимает кнопку перед собой. В луче прожектора слева Русаков.

Зимина. Русаков, вы знали Степана Антоновича Мазура?

Русаков. Нет!

Зимина. Может быть, встречались с ним когда-нибудь в заключении или раньше?

Русаков. Не встречался!

Прожектор выключен.

Осмоловский. Ну, что я вам говорил?

Зимина. Вы говорили, что этому человеку нельзя верить.

Осмоловский. Даже если они знали друг друга, что из этого следует?

Зимина. А то, что этот факт был обойден в материалах следствия. Или изъяты из них...

Осмоловский (*глубоко задет*). Наталья Федоровна! Я вижу, нам пора объяснить. Я сразу почувствовал предубеждение. Тут нужна полная ясность!.. Вы знаете, что я имел некоторое отношение к делу Мазура и тогда в конце тридцатых и позднее. Моя роль, естественно, была очень скромной. В Приволжске я прожил недолго. Был рядовым следователем. Занимался главным образом уголовными делами. Но если вас что-нибудь интересует, извольте допросить меня!

Зимина. Михаил Эрастович, зачем?..

Осмоловский. Нет, нет, выкладывайте все свои вопросы. Я не хочу, чтобы между

нами легла какая-нибудь тень. Я человек щепетильный. Я требую наконец!..

Зимина (*уступает*). Хорошо. Что за история с покушением на Мазура? Она разыгралась при вас?

Осмоловский. Нет! То есть, я был в городе. Но занимался ею некто Кузьмичев. Мрачная фигура... В тот день я как раз вернулся из Москвы. Вечером мы встретились с Мазуром в Городском саду...

Затемнение.

Показание Осмоловского

Из затемнения: уголок Городского сада, несколько скамеек. Вечер. Справа, со стороны Летнего сада, появляется Степан Антонович Мазур — такой, каким он был в те годы. Правый пустой рукав гимнастерки заправлен за пояс. Осмоловский, каким он был тогда, несет бутылку вина, два стакана и тарелочку с бутербродами.

Осмоловский. Сюда, сюда, Степан Антонович! Ловко я тебя утащил?.. Душно все-таки в театре?

Мазур. Ты когда прилетел, Миша?

Осмоловский. Час назад.

Мазур. Что в Москве?

Осмоловский (*весело*). Есть, есть кое-что... (*Наливает в стаканы вино, ставит их на скамейку. Из кармана извлекает листок бумаги, зачитывает.*) «Директора Приволжского тракторного... В связи с пятидесятилетием... Орденом Трудового Красного...» (*Передает ему листок.*) Завтра будет в газетах! Тросову я звонил. Официальное чествование устроим в механосборочном. Не возражай — так надо. Рад поздравить тебя первым. Для того и примчался...

Чокаются, пьют.

Осмоловский. Кстати, Степан Антонович, чтобы не забыть... У тебя должны быть мои личные письма. Точнее: два письма. Я писал тебе из Арчеды. Нечто строго лирическое.

Мазур. Почему ты вспомнил?

Осмоловский. Стыдно сказать — мания! Не люблю, чтобы мои личные письма валялись по чужим столам. Ты их?.. Они у тебя дома?

Мазур. Ты хочешь, чтобы я их тебе вернул?.. Да ты не волнуйся!

Осмоловский. Я волнуюсь?.. (*Смеется.*) С чего ты взял? А впрочем... (*Голос*

его прерывается.) Тяжело! Трудная была поездка... Если начистоту: я же люблю тебя, Степан Антонович!.. Я!..

Мазур. Ну, ну...

Осмоловский *(с трудом)*. Нервы... Сдают... Черт знает что!

За сценой голоса. Осмоловский ловко прибирает под скамейку бутылку. Входит Рожнов — щуплый старик лет семидесяти, в руках узелок.

Ба, кого вижу?.. *(Загораживает собой Мазура.)* Добрый вечер, Иван Иванович! Вы откуда же здесь?

Рожнов *(растерялся)*. Гуляю.

Осмоловский. А я вас давеча у театра заметил. Показалось мне — поджидаете вы кого-то?

Рожнов. Приметливый вы.

Мазур. Иван Иванович, иди выпей-ка с нами. Мы тут пьянствуем потихоньку.

Рожнов. Разве что за твое здоровье! С юбилейным сроком... Желая счастья, здоровья и скорейшего снятия тебя с директорской должности. Покуда ты еще цел.

Осмоловский *(смеясь)*. Вот тебе и гоп со смычком!

Рожнов. За сим — прошу прощения!

Осмоловский. Погодите, куда же это вы с узелком-то, Иван Иванович? Не в баньку ли?

Рожнов. В тюрьму иду садиться. В тюрьгу.

Осмоловский. Да вы никак захмелели, Иван Иванович?

Рожнов. Непьющий я. От самого рождения.

Мазур *(усаживает Рожнова подле себя)*. Что стряслось, Иван Иванович? Почему не смешно шутишь?

Рожнов *(голос его дрожит)*. Стряслось то, что привязались ко мне с недавних пор двое из этих...

Мазур. Из каких?

Рожнов. Из каких — это ты товарища Осмоловского спроси... Каждый день на свидания меня выкликают: так, мол, и так, товарищ Рожнов, поскольку вы старый рабочий, участник двух революций и здешний старожил, помогите нам характеристики составить на некоторых ваших соседей. Нет, говорю, на такие дела я малограмотен. Другого поищите. Тогда, говорят, свою автобиографию нам представьте в письменном виде. Свою — из-

вольте, говорю, представлю. Написал я, сдал им. Через два дня опять зовут. Недостаточно, говорят, подробно написали. Написал я еще разок. И еще раз пять... А сегодня решил — хватит! Иду сдаваться. Все равно не отвяжутся. Чего же себя зря томить? Хоть отосплюсь там, в тюрьге-то...

Мазур. За что же тебя в тюрьму? Рожнов. Полагаю, Антоныч, враг я народа и агент девяти держав!

Мазур. Неужто девяти? Пожадничал, старик! Как же это тебя на всех хватает? Рожнов *(обиделся)*. Вот тебе и на! Не верит..

Мазур. Знаю я тебя, Иван Иванович. С семнадцатого года. И все твои державы знаю.

Рожнов *(с состраданием)*. Антоныч, кончай ты резоны искать, поздно... Пойду! Осмоловский. Возмутительно!

Мазур *(Рожнову)*. Стой, не шевелись!.. Ты что это за театры мне тут устраиваешь? Почему не пришел в заводоуправление? Почему не позвонил?

Рожнов. А ты блокирован, товарищ дорогой! Невозможно пробиться к тебе ни справа ни слева. *(Бросает выразительный взгляд на Осмоловского.)*

Осмоловский *(пожимает плечами)*. Какое-то недоразумение. Так издеваться над стариком? Болваны!.. *(Рожнову.)* Идите и ни о чем не беспокойтесь. Вот вам моя рука!..

Мазур. Не сомневайся, Иван Иванович, Михаил Эрстович проследит. А Кузьмичеву завтра я сам позвоню.

Рожнов. Гляди, не поздно было бы завтра-то!

Мазур. Что так?

Рожнов *(с вызовом)*. Разговоры ходят у заводских — покушение на тебя готовится!..

Осмоловский резко поворачивается к старику, словно собирается его ударить. Пауза. Мазур медленно достает левой рукой портсигар, закуривает.

Я так полагаю, однако, — товарищ Осмоловский тебя в случае чего обережет!.. *(Насмешливо.)* До завтра!

Рожнов уходит. Слева появляется помощник Мазура — Федор Ипполитович.

Мазур. Федор Ипполитович, будь любе-

зен, распорядись, чтобы не ждали меня с машиной. Я пешком пройду.

Федор Ипполитович уходит. Мазур и Осмоловский остаются одни.

Осмоловский *(нервно)*. Черт знает что болтают... Как тебе это нравится?

Мазур. Говори, говори...

Осмоловский. Я понимаю, ты возмущен, что о подобных вещах узнаешь последним. Это Кузьмичев. Всегда напустит туману. Не хотел, видишь ли, тебя волновать... Между нами, девочками, говоря... *(Оглядывается, переходит на шепот.)* Молодежный клуб «Воробьиные субботы». Слышал?

Мазур. Комсомольцы?

Осмоловский. Оказалось — опаснейшая банда. Вооружены. Верховодят некто Владимир Рогов и Георгий Шагиньянц — сын арестованного профессора Шагиньянца.

Мазур *(удивлен)*. Веркины друзья?

Осмоловский. Вера твоя тут не при чем!

Мазур. Я знаю этих мальчиков с детства. А Володя Рогов бывает у меня дома.

Осмоловский. Самый молчаливый и самый опасный мальчик Среднего и Нижнего Поволжья. Там, где у других мальчиков сердце, у него кастет!

Мазур. Я знаю его мать.

Осмоловский. Маменькин сынок.

Мазур *(расстроен)*. Надо спасти ребят, Миша!

Осмоловский. Твоя доверчивость становится трагедией, Степан Антонович.

Мазур. Но ведь я тебе тоже верю, Миша?..

Осмоловский. Что ты хочешь сказать?

Мазур *(медленно)*. Что я тебе верю... Кстати, о письмах. Письма твои я порвал. Так что в случае чего никто не скажет, что ты состоял со мной в личной переписке.

Осмоловский. При чем тут письма? Неужели ты думаешь, я прибежал сюда ради писем?.. Стыдно сказать, но последнее время мы все становимся мнительными до отвращения.

Мазур. Да, страшно.

Осмоловский. Не сомневайся, меры приняты. *(Смотрит на часы.)* Есть указание обезвредить эту банду сегодня же, не позднее полуночи. На всякий случай я

распорядился усилить твою охрану. Для того и примчался.

Затемнение. В кабинете Осмоловский заканчивает свои показания.

Осмоловский. Через час после этого в Мазура стреляли. Пуля прошла около виска и слегка контузила правый глаз. Покушавшийся был убит при попытке к бегству... Вот, собственно, все, что мне известно.

Зимина. А почему сразу после покушения первым был арестован сам потерпевший?

Осмоловский. Ему было предъявлено какое-то дикое обвинение. Чуть ли не участие в покушении на самого себя... Да, да, не надо удивляться. Тридцать седьмой год!.. Я лично делал все, чтобы глушить репрессии. Пытался вмешаться. Но что я мог? Я сам висел на волоске. Через месяц мне пришлось уехать. Обвинили в личных связях... *(Понижает голос.)* Но самое трагичное, это строго между нами, — вплоть до своего ареста Мазур тоже утверждал «черные списки»... Ужасно, но факт! Приезжала «голубая фуражка», они заперались часа на два. И в ту же ночь в заводском районе аресты, аресты, аресты. Не подумайте, что я хочу бросить тень и прочее. Я только хочу, чтобы вы поняли, как это сложно, если каждый из нас бывал в то время и палачом и жертвой. Зимина. У Мазура, кажется, осталась дочь?.. Почему в деле нет ее показаний? Осмоловский *(листает дело)*. Понятия не имею.

Зимина. Родная дочь могла бы кое-что рассказать?.. Вы не думаете, что некоторые звенья этой истории тоже оставлены без внимания?

Осмоловский. Не думаю. Просто неопытность следователя, который вел дело. Зимина. Как вы сказали? Неопытность?..

Осмоловский выдерживает ее взгляд. Пауза.

Действие второе

Тот же служебный кабинет, несколькими часами позже. Зимина стоит у стола, входит Осмоловский.

Осмоловский. Вы пригласили для служебной беседы дочь Степана Антоновича Мазура?.. Вера Степановна Мазур ждет!

Зимина нажимает кнопку на столе. В луче прожектора справа Вера Степановна Мазур, женщина сорока лет, с милым, добродетельным лицом, которое никак не отражает ее характера.

Вера. Я отца своего всегда осуждала и близким человеком считать его не могу!

Зимина (*озадачена*). Разве вы не знаете, что товарищ Мазур посмертно реабилитирован?

Вера. Как же, знаю.

Зимина. Все виды следствия давно закончены. Можно считать доказанным, что ваш отец был предан и оклеветан.

Вера (*твердо*). Я считаю, что незачем было ворошить старое. Мертвых не воскресишь. А от острального только вред!

Зимина. Мертвых не воскресишь. Но мы живы?

Вера. Выпустили бы кого надо без шума — и ладно! Срамиться-то зачем было? Позорить пролетариат?

Зимина. Вы это всерьез?..

Вера (*с обаятельной улыбкой*). Шучу. Пошутить что ли нельзя?

Зимина. Вы отреклись в свое время от отца, Вера Степановна?

Вера. А как же?.. Была душой! Отреклась и заявление на него написала.

Осмоловский. Какая-то ошибка!.. Вера Степановна, вы, очевидно, запямятовали. Вы не подавали никаких письменных заявлений по делу вашего отца.

Вера. Нет, подавала!.. А как же? Я написала тогда, что покушение на себя он подстроил сам лично.

Зимина. На чем же было основано такое... обвинение?

Вера. Мне казалось, что он замечает следы и ведет себя как человек с нечистой совестью. Он знал, что его все равно арестуют, и старался выгородить своего сообщника Владимира Рогова.

Зимина. Это главарь той банды, которую подозревали в подготовке покушения на вашего отца?

Вера. Это главарь, именно.

Зимина. Но ведь его причастность к делу осталась недоказанной?

Вера. Не знаю. Знаю только, что он сбегал. Скрывался где-то в Сибири до самой войны.

Зимина нажимает кнопку, в луче прожектора слева Русаков. Очная ставка.

Вера (*искреннее волнение*). Володя?.. Нет... Володя!

Зимина (*Русакову*). Вы знакомы?

Русаков. Впервые вижу эту шмару. Вера (*уже справилась с волнением*). Это он! Владимир Рогов.

Зимина. Рогов? (*Русакову*). Вы к тому же еще и Рогов? Злоупотребляете псевдонимами, голубчик.

Нажатие кнопки, левый прожектор выключен. Продолжается допрос Веры Мазур.

Вы хорошо знали этого Рогова?

Вера (*твердо*). Мы состояли в интимных отношениях!

Зимина (*удивлена*). Как вы сказали?

Вера. Мы состояли... Мы учились в одной школе. Я любила его.

Затемнение. В темноте мальчишеский голос поет под баян «Нерешительный вальс». На протяжении последующей сцены, то приближаясь, то удаляясь, кружится неподалеку эта наивная мелодия.

Первое показание Веры Мазур

Уголок Городского сада. На скамейке, обнявшись, сидят Вера Мазур и Владимир Рогов — такие, какими они были в пятнадцать лет.

Вера. У Жорки арестовали отца. Ты слышал?

Владимир. Да.

Вера. Он тебе, наверное, жаловался?

Владимир. Нет.

Вера. А разве тебе самому не интересно?

Владимир. Что именно?

Вера. Ну, что берут людей. И вообще... Ведь Жорка твой друг?

Владимир. Мне не интересно.

Вера. Почему же ты прячешь глаза?.. Ты очень хитрый, да?

Владимир. Не очень.

Вера (*обиделась*). Тебе только бы целоваться. А нет того, чтобы раскрыть душу перед близким человеком — любимым товарищем. Рассказать, что тебя мучает?

Владимир. Меня ничто не мучает.

Вера. Врешь! Врун... А я считаю, если человек тебе друг, надо всем делиться. Комсомолец должен быть искренним с любимым существом. А как же?..

Он, смеясь, хочет ее поцеловать. Она его отталкивает.

Ишь ты какой скрытный! Нехорошо! Правильно Кира мне вчера сказала: в тихом омуте... Твой Володька, говорит, такой тоненький, что даже противно. Вот и духами от тебя пахнет. Знаешь, как тебя дразнят? Рафинад!

Владимир. У нее отличное чутье на человека, у твоей Киры. С таким носом она далеко пойдет.

Вбегают Жора Шагиньянц — сверстник Владимира и Веры. Черные глаза, лохматая шевелюра. Очень взволнован.

Владимир. Жора?

Жора. А?.. Я тебя ищу! Извинись перед дамой. .

Отводит Владимира в сторону. Вера остается сидеть на скамейке.

Прелестное создание, с которым ты здесь воркуешь,— сволочь и доносчица!.. Я только что узнал. Она нарочно втирается в нашу компанию, затевает разговоры и доносит. Нам уже шьют дело о «подпольной молодежной организации»... Говорят, она уже не в первый раз так — втирается и доносит.

Владимир хватая Жору за грудь, медленно притягивает его к себе. Пауза. Вера подходит поближе.

Вера. Что случилось, мальчики?

Жора. Что случилось, мальчики? Почти ничего. А?..

Владимир. Молчи!

Жора. Ничего, кроме пустяка... (С вызовом.) Я сказал вашему возлюбленному, что вы — сволочь и доносчица!

Пауза.

Может быть, это неправда?

Вера. Неправда! Я только выполняла свой долг!

Жора (Владимиру). Девочка выполняла свой долг...

Вера (с горячей искренностью). А как же иначе?.. Вы будете затевать антисоветские клубы, а общественность будет смотреть сквозь пальцы?.. Да, я разоблачила ваше гнездо и я горжусь!

Жора (Владимиру). Девочка оклеветала своих друзей и девочка гордится.

Вера. А разговорчики о том о сем — клевета? А шуточки-прибауточки — вы думали, это даром сойдет?

Владимир. Жора, стань рядом и не

жестикуй. Ты мешаешь мне наблюдать жизнь.

Вера. Володя, ты не волнуйся! Тебе надо чистосердечно покаяться. Я сказала, что ты виноват меньше всех. Тебя затащили в эту шайку против твоей воли...

Владимир. Спасибо, рыбка! Значит, у меня есть еще шанс!

Вера. Все твои оскорбления я заранее отмечаю. Я даже не сержусь. Это от незрелости мысли. Когда-нибудь ты поймешь, как много я для тебя сделала.

Жора. Где ты нашел это золотое сердце?

Вера. А как же?.. Если кругом враги? Прикажете жеманничать?

Жора. Ты слышишь, у девочки есть идеи!

Владимир. Боюсь, для меня это слишком тонко.

Вера. Володя, не слушай его!.. Володенька, милый! Все будет хорошо, ты не бойся... (Тащит его.) Идем со мной. Идем скорее! (Плачет.)

Жора. Чего же ты ждешь, Рогов? Иди, покайся... Девочка тебя любит. Она так хорошо рассказывает про очередные задачи комсомола.

Вера (глядит на него с ненавистью). Негодяй!

Короткое затемнение. Кабинет. Зими́на и Осмоловский. Долгое молчание.

Зими́на. Может быть, он отмалчивался до сих пор из боязни, что всплывет эта его давняя история?

Осмоловский (насмешливо). Из боязни быть обвиненным в озорстве принять на себя обвинение в убийстве?

Зими́на. Вы правы, довод сомнительный.

Второе показание Веры Мазур

Тот же угол Городского сада. Те же и Степан Антонович Мазур.

Мазур (резко, Жоре). Клевета!.. Моя дочь не могла... Вера, ты слышишь, что о тебе говорят? Скажи им в лицо, что ты этого не делала!

Вера. Я это сделала. А как же?..

Мазур (озадачен). Ты?.. Ты считаешь, одного подозрения достаточно?.. (Сам с собой.) Донос — в этом слове нечто гнусное. Но разве дело в словах?.. В конце концов, что я знаю? Почему я должен верить им, а не ей? В девчонке я уверен. Может быть, чуточку резка. Но на под-

лость?.. Нет!.. Сам учил ее... А эти двое?.. Какой-то подозрительный клуб... Чертовски болит голова... (К Жоре). Почему вы пришли с этим ко мне? Я не даю консультаций по таким вопросам!

Жора. Не даете? Значит, можно быть Иудой?

Мазур (смотрит на часы). Вот что, молодые люди, хорошо бы знать точно, чем я могу помочь? Иначе получается театр. Жора. У меня отец арестован, вы знаете. Вчера вызвали меня на бюро. Надо, говорят, тебе выступить и осудить. А если я не могу? Если я люблю его?.. Он меня без матери растил. Не женился: боялся, мачеха обижать меня станет. Приду из школы, а он обед мне готовит, рубашки стирает. Когда я scarлатиной заболел, он от постели ни на шаг. Седой стал... Как же я могу? А мне говорят: плохой ты комсомолец.

Вера. Дети маленькие, и те не боятся против отцов родных идти!

Жора. Дети не боятся! И я тоже должен был?.. Должен был доносить на отца, который ни в чем не виноват?.. Степан Антонович, это правда? Не сердитесь! Мне же некого больше спросить.

Мазур. Только мерзавец и выродок может отречься от отца по первому слову.

Вера. Как?.. А непримиримость?..

Мазур. Прежде всего суд совести!

Вера. Совесть — химера и буржуазный предрассудок.

Мазур. Это — Гитлер!.. Ты не знала?.. Как же могло случиться, что ты так страшно перепутала цитаты, Вера Мазур?.. (Сам с собой). Такая малость, чуть-чуть, и вот уже совесть — химера. Кто виноват? Если бы мать была жива, она не простила бы мне...

Вера. Оставь, пожалуйста! Просто мы с тобой многое понимаем по-разному.

Мазур. Это не страшно. Страшнее другое... (Поворачивается к Владимиру.) Ты почему молчишь, Рогов?

Владимир. Я теперь надолго замолчал, Степан Антонович. Может быть, навсегда. Мазур (резко отворачивается). Да!.. «Мы не рабы. Рабы не мы»... Немые рабы...

Жора, отвернувшись, закрывает ладонями лицо.

Владимир (Мазуру). Помогите Жоре!.. Я не умею просить. Он совсем больной. Куда мне с ним теперь?

Мазур подходит к Жоре, крепко обнимает его за плечи.

Мазур (Жоре, тихо). Все, что можно узнать про твоего отца, я узнаю. Сегодня же. Вера (Владимиру). Вовка, не смотри на меня так! Я же люблю тебя!

Владимир. Пропади ты пропадом, святая простота!

Вера (улыбаясь). Все равно люблю!

Мазур (Жоре). Трудно! Трудные годы. Самые трудные, товарищи мужчины...

Короткое затемнение. Из затемнения: Вера Мазур продолжает свои показания.

Вера. После этого разговора я окончательно уяснила себе политическую физиономию отца. В тот же вечер я передала его слова кому следует...

Осмоловский сердито нажимает кнопку. Проектор выключен. Зими́на и Осмоловский одни.

Осмоловский. Психопатка! Стыдно сказать — больная женщина. А ведь, по своему, честный убежденный человек. Зими́на. Как вы сказали, голубчик? Осмоловский (интимно). Пора понять, уважаемая Наталья Федоровна, все, что мы называем сегодня «издержками» тех лет, не есть преступления или ошибки отдельных людей, злых или глупых. Мыто с вами понимаем роль личности в истории... Что толку препираться с такими, как гражданка Мазур, если граница пролегла через душу каждого из нас?

Зими́на. Я, кажется, поняла, почему наш Русаков темнит и упирается... (Словхватилась.) Простите. Продолжайте. Это очень любопытно — все, что вы говорите. Осмоловский. Я сейчас припоминаю, Вера Степановна действительно жаловалась мне в тот вечер на отца. Что-то связанное с его личным оружием. Какая-то якобы странная сцена...

Зими́на нажимает кнопку. В луче прожектора снова Вера Мазур.

Вера. Вскоре у меня не осталось сомнений, что отец непосредственно замешан в истории с покушением.

Зими́на (мягко). Дорогая моя, неужели вы и сейчас в это верите?

Вера (сорвалась). Не ваше дело! Дело не ваше, во что я теперь верю! Никакая я вам не дорогая... Извольте официально!..

(Справилась с собой.) Тогда же я сказала товарищу Осмоловскому: берегитесь! Теперь отец будет выгораживать мальчишек и потребует от вас неопровержимых доказательств их вины.

Зимина. А через час грянул выстрел. Это и было доказательством?

Осмоловский нажимает кнопку. Проектор выключен.

Осмоловский *(поднимается)*. Довольно! *(Зиминой.)* Я наконец понял, чего вы добиваетесь. Этот спектакль подстроен специально для меня?.. Категорически протестую против подобных методов!.. И не советую! Между нами говоря, не советую вам так начинать карьеру. Это вам не пионерский лагерь!.. Порочить старую гвардию? За что? Только за то, что она в свое время по мере сил?.. Может быть, вы, стыдно сказать, всех опорочите, кто тогда жил и работал?

Зимина. За гвардию испугались, полковник Осмоловский?

Осмоловский. Основания? Какие у вас основания так разговаривать со мной?.. Слова этой психопатки?..

Зимина нажимает кнопку, в свете прожектора слева профессор Шагиньянц — глубокий старик — белые брови, борода.

Шагиньянц. За два дня до моего ареста.. Нет, простите, за три дня, меня снова вызвали на свидание. На этот раз мы встретились на Набережной...

Затемнение.

Показание профессора Шагиньянца

Пустынный уголок Набережной. Поздний вечер. Зябко потирая руки, Шагиньянц стоит перед Осмоловским.

Осмоловский. Написали, Сурен Николаевич?

Шагиньянц. Прошу! *(Протягивает ему бумагу.)* Третий раз вы заставляете меня писать автобиографию. Зачем?.. В расчете, что я ошибусь и что-нибудь перепутаю? Или вы полагаете, что я не оставляю черновиков?

Осмоловский. Какие глупости! *(Прострагивает бумаги и прячет их в карман.)* Шагиньянц *(волнуясь)*. Послушайте, товарищ Осмоловский! Если вам действи-

тельно надо о чем-то расспросить меня, почему вы не явитесь ко мне в клинику или не пригласите меня к себе в учреждение? Официально?.. Зачем эти встречи украдкой, телефонные звонки, детская конспирация?..

Осмоловский. Мы стараемся встречаться с вами так, чтобы не тревожить понапрасну ваших сослуживцев и близких. У вас, кажется, большая сестра? Может быть, нужны лекарства?.. Вы не стесняйтесь, я от чистого сердца.

Шагиньянц. Вы обещали сегодня сказать наконец, что вам от меня надо. Осмоловский. Вы сестре не сказали, куда пошли?.. Вот и хорошо... Итак, Сурен Николаевич, дело в следующем: ваш сосед по квартире доктор Стозаров... Вы что-то сказали?

Шагиньянц. Нет, я слушаю.

Осмоловский. Доктор Стозаров мутный человек. Нам известно, что он заглядывает иногда к вам на огонек, сыграть партию в шахматы. Вот мы и хотим просить вас подружиться с ним поближе. Потолковать по душам. Записать для памяти все наиболее характерное...

Шагиньянц *(с усилием)*. Я не умею этого. Извините. Я больной человек. Я не могу выполнять ваших... ваших поручений.

Осмоловский. Помилуйте, профессор! Долг каждого советского человека. Сами понимаете, какое время... Я и слушать ничего не хочу. Убедительно просим вас присмотреться к этому самому Стозарову! Шагиньянц. А Стозарова вы просите присмотреться ко мне? Назначаете ему свидание где-нибудь у фонтана и намекаете, что его сосед, профессор Шагиньянц, — мутный человек?

Осмоловский. Это вам Стозаров сказал?

Шагиньянц. Нетрудно догадаться.

Осмоловский *(резко)*. Это вам Стозаров сказал?

Шагиньянц. Послушайте, молодой человек! Я никогда не кривил душой. Передайте своему начальству, нельзя же так!.. Зачем это унижение? Зачем эта игра на нервах?.. Пускай вызовут куда надо, пускай допросят! Месяц я не сплю по ночам...

Осмоловский. А почему не спите? Если вы не чувствуете за собой вины, надо спать. А вы беспокоитесь, Сурен Нико-

лаевич. Обижаетесь, что к вам проявлен интерес. Хотя интерес проявлен, замечу строго между нами, чисто товарищеский. Шагиньянц (заглядывает ему в лицо). Пьянящая штука — власть над людьми, не так ли?

Осмоловский. Я вижу, вы обо мне плохого мнения, профессор?

Шагиньянц. Сами по себе вы прелестный человек.

Осмоловский. Вот видите, мы еще будем друзьями.. Хотите откровенность за откровенность?.. Есть данные: готовится покушение на товарища Мазура!.. Подумайте, какая низость. В кого целят? Рабочие узнали — взрыв возмущения. Требуют суровых мер. Видите, насколько я вам доверяю?

Шагиньянц. Спасибо. Я уже слышал об этом. Не знаю, от кого исходят эти слухи. Но кому-то это нужно.

Осмоловский. Вот видите?..

Шагиньянц (оглянувшись). Сестра!

Осмоловский (торопливо). Сестре ни слова! Уговор...

Быстро отходит. Появляется Надежда Марковна Шагиньянц — полная, еще красивая женщина. Заметив брата, бросается к нему.

Надежда Марковна. Я ищу тебя по всему городу... Анна Семеновна сказала, что тебя видели в Горсаду...

Шагиньянц. Зачем ты встала, Надя? Тебе надо лежать.

Надежда Марковна. Почему ты опять ушел тайком? Что ты тут делаешь?.. (Шепотом.) Кто этот молодой человек, который только что отошел от тебя?.. Ты меня слышишь, Сурен?.. Почему ты такой бледный?

Шагиньянц (мягко усаживает ее подле себя на скамью). Давай посидим, Надя. Хороший сегодня вечер... Надя, я боюсь за Жору. Вчера он опять пришел домой поздно и от него пахло табаком. С ним что-то творится... Хороший вечер сегодня... (Шепотом.) Что будет с Жорой, Надя?..

Затемнение. В служебном кабинете Зимины и Осмоловский.

Осмоловский. Со мной тут сводят личные счета! Это интрига!

Зимина. Полковник Осмоловский, я выполняю свой долг. И прошу вас держаться достойно.

Осмоловский. Я вас недооценил...

Зимина. Недоценили, полковник!

Нажимает кнопку. В свете прожектора слева Вера Мазур.

Вера. После покушения отец окончательно сбросил маску. Он кричал Осмоловскому: «Карьеру делаешь!»

Зимина. Какие у него были основания? Вера. Ему якобы стало известно, что аресты «террористов» начались за час до покушения.

Зимина (осторожно). Вы любили отца?

Вера. Послушайте, ваше дело установить факты? Факты я вам излагаю. Остальное вас не касается. И нечего, нечего!.. Не жалею ни о чем, слышите?.. Можете посадить меня в каталажку!..

Зимина. Вряд ли вам это теперь поможет...

Прожектор с Веры Мазур выключен.

Осмоловский. Мне, если угодно, уже наплевать — верите вы мне или не верите. Но я любил Мазура, как отца, и сделал все, чтобы спасти его! Этот выстрел в него — я ничего не знал. До сих пор не понимаю... (Поспешно наливает воду из графина, пьет, держась рукой за сердце.) Пожалуй, мне лучше прилечь...

Зимина. Извольте. Мы прервем...

Осмоловский. Подождите! Мы же с вами юристы. Мы должны понимать... Я законов не устанавливал. Допускаю, один, два выродка, десяток карьеристов — остальные лучшие из лучших, плоть от плоти! Я лично мерзавцем не был. Пророком тоже не был, какось! Немного усердия, немного привычки. В остальном служба как служба. В чем же казус?.. Может быть, я единственный должен был протестовать? Смешно!.. Допускаю некоторое количество героев, некоторое количество мерзавцев, которым может быть предъявлен особый счет. Остальные, строго между нами, простые люди. Заурядные. Но заурядность юридически ненаказуема!

Зимина. А партийный билет?

Осмоловский. Что?

Зимина. Зачем вам партийный билет? При такой заурядности это, пожалуй, лишнее?

Осмоловский. А вы полковнику Стеблину заявите!.. Ежели такие кровавые орлы, как Стеблин, вывернулись — «ку-ку» всей вашей перетряске... Врете, Стеблину

вы побойтесь. Стеблин всю вашу авиацию по половицам размажет. Я вам строго это обещаю: на Стеблине вы до смерти подавитесь!

Осмоловский уходит. Зимина нажимает кнопку, в луче прожектора справа профессор Шагиньянц.

Шагиньянц. Как раз в истории с покушением на Мазура Осмоловский не виноват. Я сам узнал это много позже. Если провокация, то он был обманут, как и все остальные. Но, скорее всего, это все было грубее и проще. Все бывало до ужаса просто. Услышав нечто похожее на выстрел, охрана открыла огонь по бегущему... по моему сыну Жоре. И наповал. И рикошетом — по Мазуру. А уж дальше все завертелось само собой. Не ищите тут злодейства или интриги. Незачем было инсценировать покушение, чтобы форсировать аресты. Недобрать тогда было опаснее, чем перебрать... И Осмоловский действительно пытался спасти Мазура от ареста, рискуя многим. Невероятно, но факт: Осмоловский изымал из дела какие-то доносы на Мазура. Вы должны знать все. Прощать нельзя! Но надо быть справедливым... Вы поняли?..

Зимина. Я поняла.

Шагиньянц. Тогда я спокоен.

Нажатие кнопки, луч прожектора с Шагиньянца снят. В луче прожектора слева Русаков.

Русаков. Что вы цепляетесь ко мне со всем этим? Кому нужно?.. Все забыто и былшем поросло. И не позволят вам ворошить... Не дадут! Ничего не будет при нас! Свяжут по рукам и ногам. Откуда вы взяли, понять не могу?.. Я думал, смысл вас давно таких, чересчур принципиальных...

Зимина. Вы уверены, что Мазур умер? Слухи, которые дошли до вас, могли быть ложны.

Русаков. Он живой?..

Пауза. Русаков понял, что выдал себя.

Зимина. Вы знали Мазура и встречались с ним дважды. Последние годы перед войной вы прожили в Бийске, в семье дальнего родственника. Желая замести следы, вы взяли его фамилию и стали Русаковым... Вы слышите меня, голубчик?

Русаков. Если позволите, передохну... *(Держится с трудом.)* Передохну чуток.

Прожектор слева выключен. Нажатие кнопки и в луче прожектора справа Борис Шарич.

Зимина (настойчиво). Товарищ Шарич, вам удалось найти еще хоть какие-нибудь документы, имеющие отношение к партизану по кличке Лепый?

Шарич. Сообщение в газете, которое с некоторой натяжкой может быть отнесено к этому лицу. *(Зачитывает печатный текст.)* «Немецкий самолет в лапах большевистского агента... Дерзкое похищение самолета, долетевшего до горы Романи, сбитого в расположении немецкой горно-стрелковой дивизии... Бандит был опознан на аэродроме. Однако ему удалось подняться в воздух один из самолетов вспомогательной службы. Похищенный самолет был достигнут в воздухе и сбит немецким истребителем неподалеку от линии фронта. Уже после падения самолета диверсионер пытался отстреливаться, но был убит...» Вот и все. Проклятье той фашистской пуле!

Зимина нажимает кнопку. В луче прожектора слева Журбенко, добродушное усатое лицо, украинский акцент.

Журбенко. Фашистская пуля тут не при чем. Его подстрелили свои. Он же свалился на стометровке «ничьей земли», как раз между нашими и немецкими позициями. Был в реглане немецкого оберста... Вот его объяснительная записка. *(Достаёт из портфеля листок бумаги, неторопливо разглаживает его, зачитывает.)* «Последние пятьдесят метров полз в беспамятстве от потери крови, так как не мог себе позволить умереть от братской пули, в чужом мундире, на ничьей земле...» *(Кладёт записку перед Зиминной на стол.)* Я первый его перевязал, допросил, требовал письменного объяснения и отправил по команде.

Шарич (взволнован). Значит, он жив?.. *(Переводит глаза с Зиминной на Журбенко.)* Что же вы молчите, товарищи?..

Пауза. Журбенко виновато разглаживает усы.

Зимина. Он все еще ползет, товарищ Шарич! Дорого ему даются эти пятьдесят метров «ничьей земли»...

Шарич (с болью). Покажите мне его. Я хочу взглянуть еще раз.

Нажатие кнопки, прожектор с Журбенко выключен. Еще одно нажатие кнопки, на этот раз в луче прожектора слева Русаков. Очная ставка с Шаричем.

Шарич *(со вздохом сожаления)*. Нет!.. Не узнаю.

Зимина. Не знаете ли вы еще кого-нибудь, кто мог бы?..

Шарич. По слухам, был связан с двумя женщинами. Обе погибли. Одна из них... Русаков. Нет!

Шарич *(удивлен)*. Одна из них его предала. Он убил ее.

Русаков. Задушил!

Шарич *(удивлен еще больше)*. Нет, очевидцы уверяют, что это был удар ножом.

Русаков. Нож сломался о корсетную планку.

Шарич. Корсет? Чепуха! Далматинки не носят корсетов... Два дня спустя... *(Вдруг умолкает в замешательстве, пытаясь припомнить нечто важное.)*

Зимина. Продолжайте!

Шарич. Простите. Корсет?.. На ней мог быть корсет!

Напряженная пауза.

Зимина. Товарищ Шарич, какие основания были у вас считать Лепого русским офицером?

Шарич. Не понял.

Зимина. Я спрашиваю, какие основания были у вас считать Лепого бежавшим из лагеря русским?

Шарич. В листовках немецкого командования, в графе особых примет была ссылка на следы собачьих укусов, изуродованное бедро и татуировку русскими буквами. Это его и погубило. Любвица опознала.

Зимина *(привдвигает к себе дело Русакова, читает)*. «Два шрама и рубец по правому бедру... Четыре сантиметра от локтя по правому предплечью затертая, наколотая ножом надпись: «пасынки России».

Шарич. России! Так, так...

Зимина. Почему же?..

Русаков *(через кривую усмешку)*. Мальчишество.

Зимина. И все-таки?..

Русаков. Если убьют.

Шарич *(медленно приближается к Русакову, не спуская с него глаз)*. В глаза мне, товарищ, в глаза!.. *(Зиминой.)*

Он!.. Время уродует все. Глаза изуродовать не может. Теперь я вижу. Этот человек был героем югославского Сопротивления!

Русаков. Брось, дядя! Какие там «герои»! Не пыли!

Шарич. На его счету два эшелона с оружием, три сожженных танкера и нефтехранилище в Сплите, пожар в Риекском порту!

Русаков. Пожар погасили. Взорвать пакгаузы не сумел.

Шарич *(Зиминой)*. Не верьте ему! Он клеветает на себя! Его имя... Заставьте его сознаться!

Прожектор выключен. Зимина продолжает допрашивать Русакова.

Зимина. В период между июнем тысяча девятьсот сорок третьего и августом тысяча девятьсот сорок четвертого года, действуя на оккупированной территории Югославии, вы носили партизанскую кличку Лепый — Черный.

Русаков. Ну было...

Зимина. Почему же, черт вас возьми, вы не сказали этого сразу?.. Откуда взялся Мачка, который сбил всех с толку? Почему вы скрыли?.. Почему вы то Рогов, то Русаков? Что за охота к перемене фамилий и кличек?.. Ну, Русаковым вы стали по своему сибирскому дядьке, когда сбежали от ареста еще в тридцать седьмом. Красавчика провалила деваха, которую вы придушили. Надо было сбить с толку гестапо. Вы стали Мачкой. Под новой кличкой проявить себя не успели — югославы вас не запомнили. И самое глупое: зачем было скрывать Красавчика от своих? Последний шанс оправдаться... Молчите?.. Тогда я сама вам скажу. Для «смерша» интимная связь со шпионкой шла в зачет как преступная. И перед гестапо, и перед трибуналом вы получались одинаково виноватым!.. Вот вам и правда, которую ломтями не нарежешь! Скажите, что я ошиблась?..

Русаков молчит. Нажатие кнопки, прожектор с Русакова выключен. Вспыхивает прожектор справа. В его луче Никадим Гуртов. Хмурое лицо, попорченное взрывом, неприязненно.

Гуртов. Бои под Столбищами... Тоненький такой. Наш, сибирский... Два Боевых Знамени, одно — посмертно. Надо бы к Ге-

роям, только наградные листы пере-
врали. Приписали ему дзот. Да и кто там
помнил наградные в дыму...

*Зимина нажимает кнопку, в луче про-
жектора слева Русаков. Очная ставка.*

Русаков. Ты Никадим Гуртов, что ли?..
Выжил, цаца?

*Гуртов подходит к Русакову все ближе
и ближе, втянув голову в плечи. И вдруг
начинает плакать, неумело, не вытирая
слез.*

Гуртов. Ты как же попал сюда, глад-
кий? Да лучше бы тебе!..

*Прожектор справа выключен. На сцене
остаются Зимина и в луче левого про-
жектора Русаков.*

Русаков. Поздно! Поздно вы со всем
этим ко мне. Время само распорядилось.
Некого больше карать и награждать.
Зимина. Что вы наделали с собой,
Русаков?

Русаков. Некому давать ордена! Да и
не за что. Не уберегли мы России от
клейма и позора. Не нашлось храбреца
встать поперек Парада Победы, крикнуть
в лицо тирану, что он убийца и пара-
ноик. А без этого чего стоит наша хра-
брость? Чего стоят герои, которым проще
сдохнуть, чем усомниться?.. Чего стоит
возмездие из могилы? Чего стоят рево-
люции без революционеров?.. И сам я то-
же не стою ни черта! Не гожусь! Под-
лежу забвению!

Зимина. Знаю! Такая вот обугленная
судьба. А отсечь не дам! Нравится вам
это или нет, я верну вас той самой
Росси. *(С трудом справляется с волне-
нием.)* И пропади вы пропадом после это-
го, голубчик. До чего вы мне надоели...

*Прожектор с Русакова выключен. В ка-
бинет входят Осмоловский и
Стеблин.*

Стеблин *(заметив Зимину)*. Вы еще
здесь? Разве вам не звонили?.. *(Подхо-
дит к столу, замечает открытую папку.)*
Зачем вы опять с этим полицаем? Де-
ло же закрыто. *(Осмоловскому.)* Как ты
позволил?

Осмоловский. Наталья Федоровна на-
стояла.

Стеблин. Какая такая Наталья Федо-
ровна? Нету тут больше Натальи Фе-

доровны. *(Зиминой)*. Кончилась ваша мис-
сия, товарищ Зимина. Оно и кстати. А то
вы тут у нас совсем замотались... Ре-
шение поступило еще третьего дня. При-
держали до пленума. Это касается обеих
комиссий. Все ваши допуски аннулиро-
ваны... Кстати, вы, наверное, не слышали
еще новостей? Пленум ЦК освободил
Хрущева от обязанностей. Полный пово-
рот событий и дел. Конец позорищу!

Зимина. Соскучились по ренессансу,
полковник Стеблин?

Стеблин. Что такое?.. «Соскучились...»
И ренессанса никакого сроду не помню.
Если же вы опять про товарища Ста-
лина, то я как сын буденновца на от-
цовской сабле поклянусь: была доблесть,
была и слава! Был культ, но была и лич-
ность. И славы своей топтать всяким про-
чим мы больше не позволим!

Осмоловский *(примирительно)*. Не-
ужели снова трепать это имя? Ох, не
надо бы! Строго между нами: не надо бы
тут ни новых вознесений, ни новых обли-
чений. Определили около стены и ладно.
Уняться бы для пользы здоровья. Нет,
верно, а?..

Зимина. Уняться Николай Семенович
не собирается.

Стеблин. Ну зачем так уж — «уни-
маться»?.. При чем тут это? Уходят сро-
ки, меняются вехи. Так прямо и надо
объяснить этому полицаю.

Осмоловский. Раз уж мы все равно
вытащили его на свет божий, надо бы
разобраться?

Стеблин. Кто тащил, тот пускай и це-
луется с ним на прощание. *(Смотрит на
часы.)* Сорок минут вам на закругляж.

Стеблин выходит. Пауза.

Осмоловский *(деликатно)*. Я мог бы
сейчас позлорадствовать, Наталья Федо-
ровна. Но, строго между нами, отчаянно
грущу. Зря вы подставились. Не знали,
что ли, к чему идет?.. С весны все армей-
ские петухи про это прокукарекали...
Да не глядите вы зябликом, не рвите мою
сердобольную душу. Поверьте тертому-
перетертому: вся жизнь — душ Шарко. То
ты, то тебя!.. То кипятком, то в про-
рубь!

*Выкатывает из угла столик, на котором
под крахмальной салфеткой бутерброды,
чашки, лимоны, термос.*

Размочим-ка этот сюжет по-братски, не попомнив зла. Выпейте под рыбку, да и отъедем домой. У вас там муж?..

Зимина. Муж. Две дочки. Люська и Катька.

Осмоловский. Люська и Катька? Шикарно! Вот и предоставим катькам, когда подрастут, самим решать... *(Мечтательно.)* Поросята эти!.. У меня у самого внуку третий год. Все обои ободрал, стервец. Этот развенчает.

Зимина. Осмоловский, можете вы передать мужу?..

Осмоловский. Какие передачи? Дождем «перекресток», я сам доставлю вас ему с рук на руки.

Зимина. Сказала: верну вас Родине.

Осмоловский. Ну, романтика.

Зимина. Лично поклялась...

Осмоловский. Бросьте вы этот выпендрей! Мы всего лишь гвозди истории. Нет, точно, а?.. «Гвозди бы делать из этих людей».

Зимина. Совести я никому не передала.

Осмоловский. Врете! Передоверяли. И не могли иначе. Люди же, не боги. Я потому и не сержусь на вас за давешнее, что остро различают человека от функции.

Зимина. Как же мне объяснить ему?

Осмоловский. Скиньте на меня.

Зимина. Нет, не могу поверить...

Осмоловский. Насчет Стеблина я же остерегал. Кому вы поперек ногтей сунулись? Он же раскаленный добела. Ему теперь и десяток «варфоломеевских ночей» будет не досыта. Он своего пережитого страха по гроб жизни никому не простит.

Зимина. Стало быть, надо поверить.

Осмоловский. Мы же ничего еще толком не знаем. Может, повернулось вовсе не тем боком?

Зимина. Было бы не тем, Стеблин бы не распоясался. Если уж такие соловьи запели в полный голос...

Осмоловский. Не надо про это! И не ищите во мне единомышленника. Сочувствую как женщине, но строго между нами.

Зимина. Под конец он мне вдруг доверился, этот Русаков, то рычал и отбивался, а то вдруг...

Осмоловский. Дался вам этот уголовный мужик?

Зимина. Доверился моему позорному вранью.

Осмоловский. Не ваша вина, если время переломилось.

Зимина. Да, да, доверился! Я же почувствовала сразу... Так вот сразу переломилось? Но вы же сами сказали: ничего еще толком не известно?

Осмоловский. Каким бы боком ни повернулось, репрессивное будет похоронено и забыто. И точка. И обжалованию не подлежит.

Зимина. Мне бы только объясниться. *(Отчаянно.)* Осмоловский, ну подскажите что-нибудь! Что же вы замолчали?..

Осмоловский сосредоточенно прихлебывает чай.

А насчет обжалования вы неправы, голубчик. Обжалованию подлежит. Рано или поздно. Клеймом и горбом прорастет через детей. Встанет поперек жизни... Михаил Эрастович, не откажите в маленькой просьбе... *(Замолкает, споткнувшись на полуслове.)*

Осмоловский. Готов!

Зимина *(с улыбкой облегчения)*. Нет, нет, тут вы не правы.

Осмоловский. Вы о чем-то хотели попросить?

Зимина. Да?.. Ах да... Будьте добры, голубчик. Передайте ручку. Синюю ручку. Со стола. Где-то там... Моя ручка.

И когда Осмоловский поворачивается к письменному столу, раздается короткий выстрел. Зимина медленно сползает со стула. Пушистые волосы падают ей на лицо. Маленький трофейный браунинг, игрушка военных лет, выскальзывает из ее ладони на ковер.

Осмоловский. Дура!.. *(Заметался.)* Нашла где стреляться. Не могла дотерпеть до дома, сволочь!.. *(Приоткрыв дверь, невидимому дежурному.)* Косенков, врача и сестру сюда — пулей! Пулей, я говорю! *(Возвращается к Зиминной.)* Затосковал. Пилоты, мать вашу через корыто! Только бы летать на ветряные мельницы. Только бы летать...

И пока медленно уходит в темноту сцена, мужские голоса поют в последний раз сначала отчетливо, потом все тише «Песню о пропавших без вести».

Занавес